

ИЛЛЯ ДЕРЕВЯНКО
**ХРОНИКИ МАЙОРА
КОРСАКОВА**

ТОМ 2

**КНИГА
ВТОРАЯ**

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОРАБОТАННОЕ АВТОРОМ

Москва, 2017

Илья Деревянко

Хроники майора Корсакова.
Том 2. Книга вторая

«СИЛК-ПРЕСС»

2004-2010

Деревянко И.

Хроники майора Корсакова. Том 2. Книга вторая /
И. Деревянко — «СИЛК-ПРЕСС», 2004-2010

ISBN 978-5-6040077-3-0

Капитан ФСБ Дмитрий Корсаков – настоящий профессионал. Он в совершенстве владеет рукопашным боем, холодным и огнестрельным оружием. В обычной жизни добродушный парень, в экстремальной ситуации он мгновенно становится идеальной боевой машиной, безжалостной к врагам. И врагов этих великое множество! Но Корсаков с ними не церемонится, и для каждого у него найдется свой метод борьбы... «...Докурив сигарету и аккуратно затушив в песке окуроч, Сибирцев вновь вытянулся на матрасе. Прошло несколько минут. Новости в теткинском приемнике сменились популярными мелодиями. Со стороны водохранилища тянуло свежестью и, совсем немного, запахом прибрежной тины. Упомянутые ранее девушки продолжали оживленно общаться...»

ISBN 978-5-6040077-3-0

© Деревянко И., 2004-2010
© СИЛК-ПРЕСС, 2004-2010

Содержание

Поступь зверя	5
Пролог	6
Глава I	7
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	16
Глава V	20
Глава VI	23
Глава VII	27
Глава VIII	30
Глава IX	33
Глава X	36
Эпилог	39
Царство страха	41
Пролог	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Илья Деревянко

Хроники майора Корсакова.

Том 2. Книга вторая

Поступь зверя

Все имена, фамилии, прозвища действующих лиц, равно как и названия городов, улиц, площадей, фирм, политических партий и движений, увеселительных заведений и т. д. вымышлены. Любые совпадения случайны.

Пролог

*Начало июля 2005 г., г. Н-ск.
ФСБ на Лукьянской площади.
10 часов утра*

«...В связи с недавним подрывом пассажирского поезда Гудермес – Москва и выявлением подозреваемых в данном преступлении в среде радикально настроенной, фашиствующей молодежи славянского происхождения, а также с проведением вышеуказанными элементами целого ряда провокаций в различных регионах России (далее подробный перечень этих самых провокаций...) рекомендуем незамедлительно принять экстренные меры к нейтрализации национал-экстремистского подполья, существование которого в Н-ске и других крупных городах уже не вызывает сомнений и представляет собой серьезную угрозу безопасности страны...»

– Идиоты! – ничуть не стесняясь начальника Управления, высказался Рябов. – Они там что, с ума посходили?!

– Ты не отвлекайся, читай дальше, – хмуро посоветовал Марков. – Директива спущена, сам знаешь откуда. А мы люди подневольные... – при этих словах генерал как-то странно поморщился.

«...определить источники финансирования... выяснить цели и задачи... внедрить в подполье свою агентуру... для проведения операции выделить самых опытных и квалифицированных сотрудников».

– Не буду! – полковник решительно отодвинул от себя директиву. – Со дня на день Дагестан может запылать! Завтра большая часть отдела отправляется туда в командировку (по Вашему, кстати, указанию), а они тут игру в бирюльки затеяли! Выдумали «красно-коричневое» подполье, и извольте подать им лучших сотрудников. С ветряными мельницами сражаться!.. Не буду!!! А если Вы, Игорь Львович, все-таки настаиваете, хоть сейчас подам рапорт об увольнении! – Рябов нашарил на столе чистый лист бумаги и авторучку.

– Не горячись, Володя, – примирительно сказал генерал. – Мне не больше твоего нравится это... гхе, гм... поручение! И не такой уж я дурак, чтобы срывать из-за него действительно важное мероприятие. Но отмахнуться от директивы я тоже не могу. Слишком уж с большой высоты она спущена. В общем, нам с тобой надо сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы... Кто у тебя в отделе самые опытные и квалифицированные? Можешь не отвечать. Майоры Корсаков и Сибирцев! Вот им и поручим прозондировать сие мифическое подполье. Все равно ребята не в форме, оба недавно из больницы и для серьезных дел не годятся.

– Баки будем втирать, – догадался Рябов.

– Именно, – подтвердил Марков. – Ты продолжай подготовку к командировке, планов не меняй, людей не отвлекай. Операция пойдет строго по плану. А Дима с Костей тем временем пускай в «бирюльки поиграют». Пообщаются с «радикальной молодежью», позадают вопросы, вотрутся в доверие... Короче, проведут оперативную работу. Ни фиги они, естественно, не раскопают, но не беда! Главное, мы с чистой совестью доложим наверх: «Предприняли все необходимые меры, задействовали лучшие кадры, но...» Понятно?

Полковник кивнул.

– Вот и хорошо! После обеда Корсакова и Сибирцева ко мне в кабинет. Я лично их озадачу...

Глава I

Майор ФСБ Корсаков Дмитрий Олегович, 29 лет, русский, беспартийный, не женат.

По бирюзовому небу медленно проплывали легкие перистые облака. Солнце добросовестно припекало, но вместе с тем по берегу разгуливал нахальный северный ветерок, и потому люди, по выходе из воды, мгновенно покрывались «гусиной кожей», особенно детишки – известные любители плескаться подолгу. Мне, однако, ветерок не мешал. Напротив! С момента прихода на пляж я окунулся всего один раз и с тех пор больше не покидал своего покрывала на берегу. Вот уже два часа я лишь переворачивался с боку на бок, подставляя под горячие лучи различные части тела. А ветерок не позволял мне окончательно загораться. Костя же Сибирцев, устроившийся рядом на надувном матрасе, в воду вовсе не заходил. Похоже, апрельского «купания» в Светлянке ему хватило надолго вперед... Вокруг было достаточно шумно: весело визжали ребятишки, в приемнике какой-то толстой тети скороговоркой излагала новости «Милицейская волна». А неподалеку от нас звонко щебетали о пустяках две хорошенькие девушки в узеньких купальниках.

– Дима, дай сигарету, – с кряхтением усевшись на матрасе, попросил Сибирцев.

– Держи.

– Спасибо. – Майор прикурил от зажигалки, глубоко затянулся, не спеша выпустил дым и посмотрел на часы. – Без пяти двенадцать, – лениво сообщил он. – Ну-с, господин И.О., каковы будут дальнейшие указания?

– Продолжаем «давить на массу», пока не устанем. Потом в шашлычную обедать, – тем же тоном ответил я.

– Одобрямс... вау-у-у! – Костя зевнул во весь рот. – Служить, сударь, под Вашим руководством – сплошное удовольствие. Хотя и опасно – можно пролежни заработать!

– Настоящий воин не должен страшиться опасностей и невзгод, – с пафосом изрек я и, не удержавшись, прыснул.

К операции «Коричневая чума» мы оба относились крайне скептически, в существование национал-экстремистского подполья не верили и исходить потом в розыском усердии не собирались. Вот прогуляемся вечером в кафе «Имперская баррикада», поглазеим на тамошних завсегдатаев и необременительно пообщаемся, с кем придется. Потом состряпаем первое донесение. А утром – снова на пляж. Благо ехать недалеко – чуть больше двух километров от Кольцевой дороги. И так далее в том же духе. Как говорится, наше дело проку-карекать, а там хоть не рассветай. Судя по всему, ничего другого Марков от нас и не ожидает. Нет, прямо он так не говорил, но... Впрочем, расскажу по порядку. Вчера днем нас с Сибирцевым неожиданно выдернули с больничного и вызвали к начальнику Управления. В кабинете, кроме генерала, присутствовал полковник Рябов. Первым делом нас ознакомили с известной читателю директивой, взяли подписку о неразглашении и сурово поручили «рыть носом землю». Правда, в глазах обоих начальников сверкали эдакие лукавые искорки, абсолютно не вяжущиеся с серьезностью момента.

– Вы наши лучшие оперативники, наиболее опытные и квалифицированные. Поэтому вам и доверили это ответственнейшее задание, – обращаясь к включенному диктофону, торжественно начал Марков. Распространялся он долго, не менее десяти минут. И по завершении вдруг хитро подмигнул. С ходу врубившись в ситуацию, мы дружно заверили диктофон, что не подведем, из кожи вон вылезем и обязательно разоблачим супостатов, ежели таковые существуют в природе.

– Правильно. Старайтесь, – благосклонно кивнул генерал. – Выбор способов и методики на ваше усмотрение. Да, еще! Ваш непосредственный руководитель, – он указал на

Рябова, – отбывает в срочную командировку. Ты, Корсаков, на время его отсутствия назначаешься и. о. начальника отдела, который с завтрашнего дня полностью нацелен на операцию «Коричневая чума». Ежедневно будешь присылать мне подробный отчет о проделанной работе. Можешь использовать для нее все имеющиеся в отделе ресурсы. Итак, полдня вам на подготовку, а завтра с утра приступайте. Вопросы есть?

– Никак нет! – хором рявкнули мы.

– Тогда свободны...

– Хороши ресурсы. Два недолеченных опера (включая новоявленного и. о.), секретарша Клава и прапорщик-водитель, – шепнул мне в коридоре Сибирцев. – Щедр наш генерал. Ничего не скажешь!

– Брось, Костя. Какая разница? – также шепотом возразил я. – Операция для галочки. Неужто не понятно?! И хватит болтать. Подробности обсудим на свежем воздухе. – Я недвусмысленно указал глазами на стены, где (как повсюду в нашей Конторе) могли скрываться микрофоны...

Докурив сигарету и аккуратно затушив в песке окуроч, Сибирцев вновь вытянулся на матрасе. Прошло несколько минут. Новости в теткинском приемнике сменились популярными мелодиями. Со стороны водохранилища тянуло свежестью и, совсем немного, запахом прибрежной тины. Упомянутые ранее девушки продолжали оживленно общаться. Насколько можно было разобрать, речь шла о нюансах моды текущего сезона. Вместе с тем периодически упоминалась некая «несчастливая Танюша, живущая с настоящим козлом». А также известная певица С. – «крашенная, безголосая мымра с приклеенными ресницами, утянутой кожей и вставными зубами». Танюше обе барышни выражали искреннее сочувствие, а «мымру» всячески поносили, но без особой злобы. Так, чисто по-женски. Затем без какого-либо перехода они вновь возвращались к блузкам, юбкам, туфлям и лаку для ногтей. «Как только языки не устали?!» – сонно подумал я. Солнце пригревало все сильнее. Впитывая кожей ультрафиолет, я нежился, томно жмурился и чуть ли не мурлыкал от удовольствия. И тут внезапно в окружающей нас безобидный шумок бесцеремонно врезались наглые, сиплые голоса: «Слышь, Вован, клевое местечко!..» – «Ага, падаем здесь!..» – «Осторожно, блин, пиво не разбей!..» – «Да не, братуха, все путем. Я лучше башку кому разобью. А пиво – это святое!..»

На пляже появились четыре типа лет по двадцать с небольшим. С узкими лобиками, дутыми мышцами и с явной претензией на крутость. С собой они притащили широкое цветастое покрывало и две сумки. Одну – огромную, набитую пивными бутылками, другую – поменьше, с водкой и закуской. Раздевшись до плавок, типы расположились метрах в трех от кромки воды. Сноровисто расстелили покрывало, «накрыли стол», откупорили бутылки и рьяно принялись за дело:

– Эх, хорошо!.. Давай наливай по «белой». Пивком прогладим... Ну, пацаны, за нас с вами и за хрен с ними!.. Гы, гы!!!

Некоторое время пришельцы потребляли «ерш», смачно рыгая и матюгаясь в процессе. Потом, разогревшись до нужной кондиции, обратили взоры на соседей по пляжу:

– Гля, Лех, телки клевые! Неплохо бы оттарабанить их по очереди! Гы, гы! Точно! Эй мочалки, сюда! Больно не будет... А ты, бабка, закрой вафельницу. Иначе в дыню получишь... Кто сопляк?! Ах ты, старая клизма! Ну, блин, погоди! – один из типов угрожающе поднялся на ноги и шагнул в сторону тетки с приемником. Обе девчонки съежились перепуганными мышами. Резвящаяся детвора разом умолкла. Все вокруг замерло в ожидании чего-то гнусного.

– Сядь на место, урод, не доводи до греха, – счел нужным вмешаться я.

– Чо-о-о-о-о?! – свинные глазки возмущенно выпучились, а сам тип застыл в неудобной позе. Видать, остолбенел от подобной дерзости. – Нет, ты чо, блин, на... Чо ты сказал?!!

– Он, вероятно, глухой, – предположил Костя. – Типа инвалид детства.

– И в придачу на голову больной, – добавил я.

– Мать перемать!!! – вышел из оцепенения свиноголазый и быстро сцапал за горлышко пустую бутылку: – Щас я вас, лохи...е...е... убивать буду, е...е...е!!!

– Не надо убивать, – милостиво разрешил Вован, похоже, главный в этой компании. – Просто отметелим до кровавого поноса. Айда, пацаны, разомнемся!

Все четверо расхлябанной походкой направились в нашу сторону. Каченные анаболиками мышцы демонстративно раздувались. Упитанные физиономии выражали самодовольство и полную уверенность в легкой победе. Да и немудрено! На первый взгляд силы казались неравными. Четверо против двоих, и, главное, смотрелись мы с Костей не лучшим образом. Сибирцев страшно исхудал в госпитале. Помимо огнестрельного ранения, он разжился в Светлянске тяжелым воспалением легких. Кожа бледная, кости торчат, перебитая пулей левая нога раза в полтора тоньше правой. А я после пребывания в либермановском «аду» до сих пор не восстановил утраченные там килограммы и малость смахивал на жертву Освенцима.

– Бегите, сынки! – жалобно пискнула тетка с приемником.

– Гы-ы-ы! – радостно осклабился Вован. – Поздно бежать, не успеют! Арк-х-х-х...

Выпрыгнув со спины в стойку, я коротко саданул ему ногой в печень. С храпом, согнувшись в дугу, парень неловко повалился на бок.

– Поаккуратнее, – буркнул Костя, отвесив свиноголазому мощную затрепщину. – Это же не враги. Так, щенки обнаглевшие...

Свиноголазый между тем плюхнулся на задницу и ошалело затряс головой. Двое оставшихся испуганно попятились:

– Э-э-э... вы чо... чо?! Мужики... вы...

– Идите сюда, – поманил их пальцем Костя. – Драпать не советую. Догоним!

Предоставив товарищу самому разбираться с деморализованными остатками противника, я приблизился к поверженному главарю, без труда разогнул скрюченное тело и подверг его тщательному обследованию.

– Печенка цела, – спустя секунд сорок констатировал я. – И вообще, по-моему, он больше притворяется! Может, добавить?

– Не надо! – горестно всхлипнул Вован. – Пожалуйста, не надо! Я... я очень Вас прошу!

– Футы-нуты, – изумился я. – Какие мы стали вежливые. Прямо загляденье!

– Бога ради, простите! – на глазах мальчишки выступили слезы. – Я... я. – Тут он в голос заревел. Совсем по-детски.

– Ладно, живи, – сжалился я. – Но не сразу. Сперва поступишь, как твои друзья. Понятно?

– Да-а-а-а.

– Вперед!

С трудом поднявшись на ноги, Вован последовал за приятелями, которые по очереди подходили к каждой из обиженных ими женщин и в изысканных выражениях просили прощения за причиненный моральный ущерб... По окончании сей процедуры компания поспешно убралась восвояси. От волнения они даже забыли захватить недопитое пиво.

– Пойдем и мы, – взглянув на часы, предложил Сибирцев. – Где тут твоя шашлычная?..

Глава II

г. Н-ск.

Около десяти часов вечера

Кафе «Имперская баррикада» располагалось на северной окраине города и занимало целиком невзрачный двухэтажный особнячок из грязно-белого кирпича. Местечко тут было довольно глухое. С одной стороны к кафе примыкал обширный пустырь, на котором вскоре собирались строить очередной аквапарк. С другой – не слишком ухоженный илистый пруд. С третьей – чахлый неуютный сквер. С четвертой – недавно заасфальтированное гладкое шоссе с одинокой автобусной остановкой. И лишь в отдалении, метрах в трехстах, начинались жилые дома. Оставив машину неподалеку от остановки, мы с Костей уверенным шагом направились к дверям заведения. Было еще достаточно светло, но над парадным входом уже пылала большая неоновая вывеска. На ней, помимо названия кафе, красовался некий герб. Мягко говоря, странный! Двуглавый орел, сжимающий в лапах серп и молот, увенчанный красноармейской буденовкой.

– Господи Боже! – рассматривая вывеску, опешил Костя. – Натуральное сумасшествие! Они тут что, все со справками?

– погоди! То ли еще будет, – криво усмехнулся я. – По слухам, там, внутри, та-а-а-кое! В страшном сне не привидится. Ты, главное, сохраняй невозмутимый вид и не падай в обморок. Не забывай, мы как бы сочувствуем этим придуркам и разделяем их бредовые идеи.

– Н-да уж, – грустно вздохнул Сибирцев. – Легенда не из легких. Кстати, ты не опасешься за машину? (Не рискуя «светить» здесь служебную «Волгу», мы приехали в кафе на моей пожилой «девятке».)

– Смотри, Дима, от психов можно всякого ожидать, – на полном серьезе продолжил Костя. – Они же ненормальные. Запросто тачку подожгут. Лучше было такси взять!

Я в ответ обреченно пожал плечами, мол, чего уже теперь. Поздно назад отыгрывать...

Между тем маразм крепчал с каждой минутой. В дверях нас встретил юнец лет восемнадцати, в форме царского поручика, в солдатских обмотках и... в кожаной комиссарской фуражке с красной звездой на лбу. На груди у него висели рядом орден Ленина, офицерский «Георгий» и стилизованная баркашевская свастика, оформленная под медаль. Лицо молодого человека украшали чапаевские усы, явно накладные, и круглые, бериевские очки. Как выяснилось, сей причудливый гибрид служил не только декорацией. Вдобавок по всему он собирал с входящих добровольно-обязательные взносы на издание газеты «Великодержавный интернационализм» и выдавал взамен входные билеты с изображением Сталина в шапке Мономаха. Безропотно расставшись с двумя сотнями рублей, мы наконец проникли в зал, уселись за свободный столик, заказали по кружке пива и осмотрелись по сторонам. Внутреннее убранство кафе было выдержано в том же духе махрового идиотизма. Кумачовые знамена, свастики, длинный «иконостас» соратников Ленина (все сплошь евреи), а под ним лозунг аршинными буквами – «Арийцы всех стран, соединяйтесь!». В динамиках громылали революционные марши. Посетители, в основном сопливая молодежь, прибывали с каждой минутой. Хлебнув горячительного, они быстро хмелели, громко материли «антинародный режим» и выкрикивали различный вздор. За ближайшим от нас столиком устроилась компания из четырех ребят призывного возраста. Эти вели себя потише, пили водку не чокаясь и торжественно поминали «героев Васю и Петю, угодивших в путинский застенок». Как выяснилось из их отрывочных реплик, означенные герои закидали яйцами главу М-ского района и получили по десять суток административного ареста.

«Детский сад для умственно отсталых, – презрительно подумал я. – А еще надо в контакт с ними вступать, оперативную работу симулировать. Е-мое, ох и неохота!»

– Гляди, кто к нам пожаловал! – вдруг толкнул меня в бок Сибирцев. В зале появился давешний Вован собственной персоной. В шортах, в красной майке с портретом Чегевары и с лихо повязанной косынкой на голове. Завсегдатаи приветствовали его почтительными возгласами. Судя по всему, этот хмырь пользовался у них определенным авторитетом.

– Вот тебе контакт. Лучше не придумаешь, – хищно прошептал Костя и уставился на качка тяжелым немигающим взглядом.

Спустя пару секунд тот вздрогнул, обернулся и, узнав пляжных знакомых, смертельно побледнел. Сибирцев в ответ дружелюбно осклабился и приглашающе махнул рукой. Вован с обреченным видом приблизился к нашему столику.

– З-здравствуйте, – выдавил он.

– Присаживайся, дружище, не стесняйся, – ласково улыбнулся я. – Кто старое помянет, тому глаз вон. Пива хочешь? – И, не дожидаясь согласия, подозвал официантку: – Десять кружек «Клинского», две бутылки «белой», три порции креветок и чего-нибудь под водку.

– Только не «сухарики нордические», – неожиданно встрял Вован. – У меня от них изжога!

Минут через пять официантка принесла заказ. Мы с Костей незаметно проглотили нейтрализующие алкоголь таблетки и принялись старательно спаивать «дружищу», рассказывая на ходу незамысловатые анекдоты. Вскоре напряжение окончательно исчезло, Вован заметно захмелел и стал воспринимать нас едва ли не как старых друзей.

– А что за «сухарики нордические», от которых у тебя изжога? – полубопытствовал я.

– Маца, – презрительно скривился парень.

– ???!!

– Ну да, маца. Вы разве не видите, какой здесь дурдом? Эти болваны орут: «Бей жидов, спасай Россию!». А сами молятся на портреты Ленина, Троцкого и прочих. И жрут мацу. Дебилы, блин!

– А ты?

– Я?!

– Ну да, ты.

– А-а-а, понятно. Я не из их компании. Просто подрабатываю тут вышибалой. Пока дебилы еще спокойные, не успели наклюкаться. Но часам к двенадцати начнут куролесить. Вот тогда и придется кое-кого успокоить. – Вован шумно отхлебнул из кружки, сунул в рот сигарету и пустился в пространные воспоминания о своих трудовых буднях. Я рассеянно слушал, а Костя прилежно «писал» его речь на карманный диктофон.

– ...конченные отморозки! – постепенно распалялся Вован. – Сейчас обнимаются, а скоро будут бутылки друг об друга раскалывать, стульями по черепушкам лупить. Революционеры, блин, хреновы! Воображают себя крутыми подпольщиками, а сами служат натуральным посмешищем для друзей хозяина кафе. За ними тут постоянно наблюдают из верхних кабинетов. Иногда вроде на камеру снимают...

– Ну-ка, ну-ка, подробнее! – заинтересовался я, подливая парню водки. В следующие двадцать минут Вован, подгоняемый наводящими вопросами, поведал немало интересного. Из его нетрезвой болтовни можно было сделать следующие выводы. Хозяином кафе «Имперская баррикада» и, по совместительству, лидером одноименного молодежного движения являлся некто Семен Пуримович (партийный псевдоним Эдуард Лимонадов). Вся «революционная» деятельность его подопечных сводилась, по сути, к выпуску псевдопатриотической газетенки «Великодержавный интернационализм». К мелким хулиганским выходкам в общественных местах, к периодическим заявлениям в приплаченной прессе и к безобразным, пьяным дебошам в кафе. Причем последние, как сумел вычислить Вован,

исправно снимались на скрытые камеры. Зачем именно, вышибала не знал, но полагал «для смеху, посмотреть потом, по прикалываться». Помимо нижнего, общего зала, в кафе имелся верхний с отдельными кабинетами, куда посторонние (в том числе Вован) категорически не допускались. Тем не менее он пару раз видел, как туда с черного хода заходили некие солидные господа, «приехавшие на шикарных тачках». А блюда и напитки наверх подавались самые изысканные, о чем вышибале по секрету рассказал приятель, работающий на кухне. Туда же иногда отводили симпатичных девах, из числа «молодых революционерок».

– В общем фуфло, – когда Вован, покачиваясь, ушел, резюмировал Сибирцев. – Ни к каким терактам они, разумеется, не причастны. Кишка тонка.

– Среднее между цирком и публичным домом? – предположил я.

– Да, но не только, – задумчиво молвил Костя. – Видишь ли, Дима, меня очень раздражают скрытые камеры. Чует сердце, запись ведется не просто «смеху ради». Тут нечто более серьезное, с далеко идущими целями.

– А если Вован ошибся?

– Нет, не похоже. Он...

Тут на плечо Косте опустилась толстая лапа, и сиплый голос прорычал:

– Вынюхиваете, падлы?! Жить надоело, мусора поганые?!!

У нашего стола стоял, раскорячившись, здоровенный амбал лет под тридцать. В расстегнутой до пупа рубашке, с блатными наколками на мохнатом торсе, с окурком папиросы в уголке слюнявого рта и с рожей законченного дегенерата.

– Товарищ Санчес! Ментов вычислил! – взволновано прошелестело по залу. – Ща он им покажет кузькину мать!

Шепот достиг ушей амбала. Он самодовольно ухмыльнулся, рыгнул загустевшим перегаром и попытался сдернуть Сибирцева со стула. Но безуспешно.

– Шел бы ты на фиг, болван, – спокойно сказал Костя.

– Ты-ы-ы!!! Су-у-ука!!! – зарычал оскорбленный «Санчес». Широко размахнулся и... отлетел назад, приземлившись спиной на столик «призывников». (Неуловимым движением, высвободив плечо, майор врезал ему в грудь основанием ладони, одновременно поставив подножку.) Столик с треском переломился пополам. Послышался звон бьющейся посуды. Зал отреагировал разочарованными возгласами.

– А-у-о-о!!! – взревел поверженный амбал, неуклюже выбираясь из-под обломков. Глаза у него налились кровью, на лбу налипла креветочная шелуха, а в правой руке непонятно откуда появился финский нож.

– Убью, тва-а-арь!!! – бешено прохрипел он.

– Ну, ну, полегче, щенок, – посоветовал я, делая шаг навстречу.

– На, бля!.. Ы-ы-ы!!! Бац! – «Товарищ Санчес» попытался пырнуть меня в живот, попался на болевой захват, выронил нож и, получив кулаком в челюсть, безжизненно распростерся на полу. Зал испуганно притих. Я внимательно оглядел смущенных «революционеров». Новых актов агрессии ожидать явно не приходилось. Только что увиденное полностью выбило их из колеи: потупленные взоры, бледные лица, смиренные позы... Перетрусили, сопляки! «Товарищ Санчес» слабо зашевелился, застонал и громко испортил воздух. Сибирцев безразлично зажал нос.

– Пошли, Дима, – сказал он. – Пахнет тут плохо!..

Глава III

Снаружи заведения стояла темная июльская ночь, слегка рассеиваемая лишь несколькими редкими фонарями да отчасти ущербной луной. На черном полотне далекого неба горели крохотные огоньки звезд. От неухоженного пруда тянуло сыростью. В окрестностях не было видно ни души.

– Не фиг себе! – дернул меня за рукав Костя. – Смотри!

Моя машина больше не стояла у автобусной остановки. Чьи-то шкодливые руки откатали ее почти вплотную к скверу.

– Шутники, блин! – досадливо сморщился Сибирцев. – Мелкие пакостники! Может, они ее и обсосали в придачу?

– Пакостники, говоришь? – пробормотал я. – Пожалуй, да. Но не мелкие! Место выбрано весьма разумно. Сквер не освещен, а в кустах отличная позиция для засады. Приблизимся мы к тачке... и привет!

– Верно, – помрачнел Костя. – Как думаешь, они нас слышат?

– Пока нет. Ветер дует в нашу сторону.

– Ну и?

– Пойдем к ним.

– ??!

– Если бы хотели пристрелить, то сделали бы это уже минуту назад, на выходе из бара. И никакие фокусы им бы не понадобились. Стало быть, хотя бы чего-то другого. А вот ЧЕГО хотя бы, нам с тобой и предстоит выяснить.

– Логично, – согласился Сибирцев. – Топаем под видом нетрезвых, разозленных лохов?

– Обязательно!

Незаметно дослав патроны в патронники, мы со злым видом направились к машине, по ходу громогласно возмущаясь неслыханной наглостью здешних аборигенов и обещая им всевозможные кары в случае гипотетической поимки. Засада, как я и предполагал, с комфортом устроилась в кустах. Место они выбрали очень удачное, имели все мыслимые и немыслимые преимущества. Однако, убаюканные нашим поведением, сразу стрелять не стали, даже по конечностям. Очевидно, решили обстрелять дельце по-тихому. За что и поплатились. Добравшись до «девятки», мы вдруг разом упали на землю и открыли частый огонь с двух стволов в направлении наиболее вероятного местонахождения противника. Результат превзошел все ожидания. Кто-то в кустах болезненно вскрикнул, кто-то умирающе забубукал, что-то тяжелое с треском рухнуло, ломая ветки. А еще кто-то выпустил в нашу сторону торопливую бесшумную очередь, выругался по-чеченски в адрес заклинившего затвора и, хромя, пустился наутек.

– Мой! – шепнул я, устремляясь следом. Колючий кустарник цеплялся за одежду. С первых же шагов я наступил на мягкое, дергающееся в конвульсиях тело и едва не упал. Затем некто, лежащий на земле, попытался ухватить меня руками за ногу. Высвободив ногу и выпустив пулю туда, где должна была находиться голова «хватателя», я сделал последнее, мощное усилие и, оставив на ветвях значительную часть рубашки, вырвался на простор. Вернее, на широкую, плохо заасфальтированную дорожку, окруженную тем же злобным кустарником, поднимающуюся в горку и с грехом пополам освещенную неполноценной луной. На разбитом асфальте виднелся темный, кровавый след, а впереди, метрах в тридцати от меня, сильно припадая на левую ногу, бежал плотный мужчина с непомерно развитыми плечами. Услышав шум позади себя, он проворно (для раненого) обернулся, оскалил зубы и прорычал с первобытной ненавистью:

– Стреляй, собака! Смотри, как умирает горный волк!!!

– Это скуля, ползая на брюхе и вылизывая сапоги охотнику? – с серьезным видом уточнил я.

– Грязная тварь!!! – перекошенный от ярости чеченец стиснул волосатые кулаки. – Иди сюда, русский ублюдок! Иди, если не боишься! Я тебя голыми руками на куски порву!

«А боевой нож ты, стало быть, в кустах посеял, – с удовлетворением подумал я. – Что, собственно, сейчас и выяснилось! Ведь если бы нож присутствовал, ты бы уже метнул его в «проклятого гяура», столь хамски издевавшегося над святыми для тебя понятиями, да и над тобой в придачу. Эх ты, дитя гор, сильное, гордое и... безмозглое!»

– А нож горцу терять запаadlo, – не спеша направляясь к джигиту, сказал я. – Какой же нохча без кинжала?! Так, тьфу да растереть. – На миг он смущенно потупился, чем окончательно подтвердил мою догадку, но тут же снова поднял взгляд: дикий, зверский, кровожадный. Действительно, волчий!

Едва я приблизился на достаточное расстояние, ослепленный ненавистью горец резко выбросил вперед правый кулак, целя мне в переносицу.

– Кр-а-ак! – проворно уклонившись, я точным, отрывистым толчком чуть выше сустава переломил ему руку в локте.

– Г-р-р-р! – страшно заскрежетав зубами, он попытался достать меня с левой. «Крепкий орешек!» – уважительно подумал я и двумя мощными ударами отправил покалеченного противника в глубокий нокаут. Затем обыскал бесчувственное тело. В карманах, помимо всякой мелочи, обнаружились ИПП и новенький российский паспорт. Первым делом я аккуратно перевязал пленному рану, изъяс у него брючный ремень и крепко прикрутил здоровую руку к здоровой ноге. И лишь потом, дождавшись вызванного манком Сибирцева, открыл паспорт джигита.

– Муслим Салаутдинов, родился в Ведено 18 мая 1975 года. Постоянно прописан в Н-ске по адресу: улица Строителей, дом 55, квартира 20, – вслух прочел я и обернулся к Косте. – Те, в кустах, тоже нохчи?

– Похоже, да, – неуверенно ответил майор.

– Похоже?!

– Именно. По лицам, сам знаешь, их не всегда от русских отличишь, а документов ни у кого из трех убитых не оказалось. Этот – исключение. – Сибирцев коснулся носком ботинка бесчувственного Муслима. – Ничего! Полагаю, он быстро выложит данные остальных.

– Зря полагаешь, – зло дернул щекой я. – Не тот случай. Волчара прожженный, упрямый, на боль реагирует слабо. А «сыворотки» у нас с тобой нет, и раньше завтрашнего дня достать не получится. Шеф на Северном Кавказе, весь отдел практически тоже. Не будем же мы беспокоить среди ночи генерала Маркова?!

– Не будем, – согласился Костя. – Но, может, просто отвезем его в Контору, к «теломеханикам». Ты вроде как за начальника отдела пока...

– В Контору? – прищурился я. – Ага, в нее, родимую... А скажи-ка на милость, дружище, кому ты там по-настоящему доверяешь? Кроме ребят, уехавших в Дагестан, полковника Рябова и генерала Маркова? Ну-ка, напряги извилины!

Майор погрузился в напряженные размышления. Прошло сорок секунд, пятьдесят...

– Тебе, – выдал наконец он.

– А еще?

– Больше никому. Слишком часто ловили предателей в последнее время.

– Вот то-то и оно, – вздохнул я. – Однако время работает против нас. Нюхом чую! Проваландаемся малость, и абзац! Уплывет рыбешка. Даже до утра ждать нельзя. Информацию надо получить в течение ночи. Вместе с тем, мы с тобой сами добыть ее не сумеем. Нет, разумеется, оба мы отнюдь не белоручки, хорошо умеем допрашивать в режиме «Б», но здесь, как я уже говорил, особый случай. Из кожи вон вылезем, в крови по уши вымажемся, а

толку будет мизер. Н-да-а! Тут нужен особый зверь, из той же породы. Выхода нет, придется обращаться к Эмиру.

– К кому?!

– К Эмиру. До сих пор его в лицо знали только я и Рябов. Теперь будешь знать ты. Шеф, надеюсь, не сильно обидится. Да, Костя, во избежание недоразумений я представлю тебя как любимого зятя полковника. Мужа его четырнадцатилетней дочери.

– Что-о-о-о-???!!!

– Хорош, Костя, не мешай работать, – жестом заставив майора умолкнуть, я вспомнил шифровальную таблицу, старательно составил эсэмэску и отправил ее на номер мобильного телефона, имя обладателя которого внушало почтительный страх доброй половине чеченской диаспоры города...

Спустя минут сорок с небольшим послышалось урчание мотора. В сквер с противоположной стороны плавно вкатил зловещего вида черный джип (очень похожий на катафалк) и, не доезжая до нас метров двадцати, остановился. Из услужливо распахнутой кем-то дверцы выпрыгнул мрачный чеченец в шикарном костюме, поправил крахмальный платочек в нагрудном кармане и деловито зашагал к нам.

– Стой! – прошипел я Сибирцеву, рефлексивно схватившемуся за пистолет. – Не стреляй! Это и есть наш Эмир!..

Глава IV

Тайный агент ФСБ Эмир, в миру Ваха Асланов (кстати, мой одноклассник), раньше был самым настоящим «духом», активно участвовал в обеих чеченских войнах на стороне мятежников, а потом перебрался в Н-ск и возглавил службу безопасности недоброй памяти Умара Халилова. Тут-то он и попал в поле зрения ФСБ. Ваху захватили в плен и завербовали – весьма жестоким, варварским способом, один лишь намек на который способен привести в истерику господ правозащитников. Так или иначе, но способ этот оказался на редкость эффективен, прыгнуть с крючка Ваха не мог при всем желании и в дальнейшем ударно (хотя и недобровольно) потруился во благо Государства Российского. С его подачи нам удалось взять живым Умара Халилова. Разгромить подчиненную ему террористическую сеть, выявить в рядах ФСБ генерала-предателя и спровоцировать непримиримую кровную месть среди наиболее враждебных России чеченских тейпов. Кроме того, руками Асланова и его кунаков мы иногда обделывали такие дела, о которые не хотели мараться сами. Естественно, соплеменники Вахи даже не подозревали о его агентурной ипостаси. Более того, при тайной поддержке ФСБ он заработал среди нохчей громадный авторитет, стал названным сыном престарелого Абдулы Беноева и, к настоящему времени, фактически руководил семейным бизнесом последнего, а именно: целой сетью лотерей, ночных клубов и казино. Но не думаю, что Эмир испытывал к нам хоть какие-то теплые чувства. И уверен, он при первом же удобном случае с удовольствием отрезал бы мне голову, в отместку за прошлогоднее унижение (см. «Изнанка террора»). Тем не менее благодаря вышеуказанному «крючку» я несколько не сомневался в Вахиной лояльности. По крайней мере, на данный момент...

– Здравствуй, майор, – подошедший Асланов протянул мне руку. – Рад видеть тебя живым и здоровым!

Губы Эмира широко улыбались, голос звучал вполне искренне, однако глаза говорили обратное, типа: «Чтоб ты сдох, собака эфэсбэшная!»

– Взаимно, дорогой, взаимно! – стиснув Вахину ладонь, расцвел я. – Ты не представляешь, с какой теплотой я к тебе отношусь! Свыкся за год, сработался... Совсем родным ты для меня стал!

– И потому ты привел на нашу встречу постороннего человека? – Глаза Асланова пистолетными дулами уставились на Сибирцева, а дружелюбие в голосе сделалось уж слишком искусственным.

– Да какой же он чужой?! – бурно возмутился я. – Это же Константин! Зять самого Рябова, его доверенный заместитель и будущий приемник!

– Зя-зять?! – Вахино лицо заметно вытянулось.

– Ну да, муж Ирины. А что тебя удивляет? Девчонке четырнадцать лет, созрела, как персик. А у вас, между прочим, и на более младших женятся.

Несколько секунд Эмир переваривал услышанное.

– Я думал, у русских иные обычаи, – пробормотал наконец он. – Четырнадцатилетняя, да под таким бугаем. Хотя... ФСБ закон не писан!

– Все мы люди, все мы человеки, – проигнорировав дерзость агента, философски вздохнул я. – А жизнь столь сложная штука... Н-да-а! Впрочем, хватит болтать попусту. Познакомьтесь, да перейдем к делу!

Асланов и Сибирцев церемонно поручались, причем последний лишь с колоссальным трудом сдерживал взрыв ярости и, казалось, в любой момент готов был удавить «нового кореша». От наблюдательного Эмира данное обстоятельство, разумеется, не укрылось, но он отнесся к нему на свой лад: «Зятя большого начальника подвергли подозрению, обозвали бугаем, общались без особого почтения. Неудивительно, что он в бешенстве. Слава Аллаху,

сразу не пристрелил! Ну ладно, не беда, со временем вотрюсь в доверие. Русские – народ отходчивый!»

Нет, не подумайте, я отнюдь не ясновидец и чужие мысли читать не умею. Но я досконально изучил чеченский менталитет, и можете мне поверить – в тот момент Ваха думал именно так! Или примерно так...

– Кто там у тебя в джипе мелькает? В количестве двух штук? – обратился я к Асланову. – Зачем привез, а?! Разве ты забыл – дело секретное, утечки быть не должно!

– Не забыл, – усмехнулся Эмир. – Утечки не будет. Это мои рабы-башкиры. Они оба немые, болтать не смогут. Да и вообще – за их благонадежность я головой отвечаю. – Во взгляде Асланова мелькнуло странное выражение. – А зачем привез? Так не самим же нам трупы перетаскивать...

– Могли бы и сами, – буркнул я. – Чай не графья!

– Откуда они у тебя? – внезапно прорезался Костя.

Секунду Ваха колебался. Но потом (вероятно, задавленный авторитетом грозного «зятя») неохотно рассказал. Завербованные в одном из медресе башкиры отправились в Чечню сражаться с неверными. За деньги, естественно. Однако разбогатеть не сумели. Вскоре отряд, в котором они обретались, был разгромлен чеченским спецназом, лояльным федеральной власти. С пленными поступили по-разному, но вот этих двоих (как не нохчей) продали в рабство клану Беноевых, предварительно отрезав им языки. Некоторое время горе-волонтеров использовали на различных тяжелых работах, а два месяца назад по просьбе престарелого Абдулы переправили в Н-ск...

– Неужто Абдула гуманистом заделался? – ехидно встрял я.

– Нет, не заделался, – спокойно возразил Эмир. – Просто ему понадобились вот как раз такие – здоровые, немые и по гроб обязанные. Для некоторых деликатных поручений внутри диаспоры. Дела они в принципе сделали, так что...

– Ясно, можешь не продолжать, – поморщился я. – Зверье оно и есть зверье!

– Не понял?! – насупился Асланов.

– Все ты понял, – грубо отрезал я. – И прекращай смотреть волком. Глаза вырву!

– Дима, ты забыл о задании, – вежливо напомнил Сибирцев.

– А это не задание, это сюрприз! – осклабился я. – Мы приготовили для Вахи очередной подарок. Работа у нас такая, подарки всяким зве... Короче, дарить. Как у Дедов Морозов.

– Да неужели, – замороженным голосом произнес Эмир.

– Точно, точно! На, посмотри! Узнаешь кровника? – я протянул паспорт Салаутдинова.

На мгновение Ваха замер «в стойке», как охотничий пес. Затем протер глаза, снова заглянул в паспорт...

– Ай спасибо, майор! Ай удружил! Вот действительно подарок так подарок! – Лицо чеченца сияло. От «заморозки» в голосе не осталось и следа. – Ай да барашек! – он потыкал пальцем в фотографию на паспорте. – Славный! Жирный! Вкусный! Старый Абдула безумно обрадуется. Ох как обрадуется! Ведь именно этот шакал застрелил на днях троюродного брата жены брата племянника старого Абдулы! В наглую так, при свидетелях, в стриптиз-баре «Лотос»! – закончив свою восторженную речь, Асланов крадущейся походкой приблизился к пленному, лежащему спиной к нам, на обочине, с косынкой во рту, резко развернул лицом к себе, удостоверился в подлинности, хищно потер ладони и гортанно «пропел» по-чеченски: – Вот и свиделись, тень дерьма большой собаки! Скоро мы тебя, маленького, резать будем. Я отвезу тебя в дом Абдулы Беноева, и там...

– Постой, Ваха, не суетись, – одернул я распалившегося агента. – Мы, конечно, Деды Морозы, но... не до такой степени! От этого типа нам нужна определенная информация. И сам тип тоже нужен. Так что отдадим мы его тебе часа на три, не больше. А потом ты при-

везешь пленного обратно, вместе с видеозаписью допроса. И нечего рожу кривить! Работать ты все равно должен, а так хоть удовольствие получишь...

Ваха в ответ кисло усмехнулся. «Наивысшее удовольствие для джигита привезти живого кровника главе рода или, на худой конец, отрезанную башку!» – ясно читалось на лице Эмира.

– А кроме того, в кустах лежат еще трое, – вдохновенно продолжал я. – Ты взгляни на физиономии. Взгляни! Вдруг кто-то из них провинился куда больше бедолаги Муслима?! Допустим, хамски осквернил нечистотами могилу покойного деда тети друга племянника брата любимого попугая Абдулы?

– Гм, действительно, – оживился Ваха, не обратив внимания на издевку. Он повернулся к джипу и окликнул по-русски: – Салават, Газман! Сюда бегом!

От машины, на удивление мягко, к нам устремились две огромные фигуры, размерами и грацией сильно напоминающие орангутангов. Настолько сильно, что я даже усомнился: «А не соврал ли Асланов насчет башкир? Может, они и впрямь... с хвостами?! В Африке, поди, тоже исламистов хватает!» Однако при ближайшем рассмотрении фигуры оказались все-таки людьми. Мощными, сутулыми, с низкими лбами и маленькими блеклыми глазками, вззирающими на Ваху с собачьей преданностью.

– Те кусты. Три трупа. Принести! – властно бросил Эмир.

Синхронно кивнув, рабы метнулись в указанном направлении. Управились они достаточно оперативно, и спустя минут пять перед нами лежали остальные участники засады. Одному пуля угодила в шею, перебила сонную артерию, и он буквально истек кровью. На гипсовом лице выделялись черными щетками могучие усы. Стеклообразные глаза равнодушно таращились в никуда. У второго (очень похожего на первого) был прострелен живот и выбит пулей левый глаз. Видимо, это он пытался схватить меня за ноги. А вот третьему не повезло, в смысле посмертного имиджа. Он схлопотал в голову минимум три заряда. В результате означенная часть тела у него фактически отсутствовала, а точнее, напоминала арбуз, выброшенный по ошибке на футбольное поле в разгар напряженного матча и с ходу попавший под тяжелые бутсы футболистов.

Я почесал грудь под разодранной рубахой и закурил сигарету, дожидаясь итогов опознания. Было тихо и душно. В воздухе кровожадно звенели комары. От пруда по-прежнему тянуло могильной сыростью. В глубине запущенного сквера изредка вскрикивали ночные птицы. А покойники в свете ущербной луны выглядели по-настоящему жутко. Ну, прямо кадр из фильма ужасов!

Впрочем, ни на меня, ни на Костю, ни на Ваху подобное зрелище впечатления не производило. Еще не такого успели насмотреться! А рабам вообще все было по барабану. Надо думать, с раннего детства...

– Шапи и Исрапи Салаутдиновы, двоюродные братья Муслима, – бегло осмотрев первых двух мертвецов, вынес вердикт Ваха. – А этот. – Он равнодушно глянул на третьего. – Да пес его разберет! От хари-то ничего не осталось. Но, думаю, из той же компании.

– Вот видишь, Ваха, как удачно сложилось! – с казенным оптимизмом объявил я. – Предъявишь тела Абдуле и скажешь – двух братьев главного злодея уже замочили, а сам злодей... гм... Тоже не уйдет от возмездия. Со временем.

– Хорошо, – вдруг просветлел Асланов. – Какую информацию нужно получить? – и жестом приказал башкирам грузить трупы и пленника в джип. Когда они удалились на достаточное расстояние, я провел подробный инструктаж, заставил Эмира занести в записную книжку наиболее важные вопросы и в заключение строго напомнил: – Не забудь, дорогой, Муслима надо непременно вернуть обратно.

– Способы развязывания языка любые? – с невинным видом уточнил Ваха.

– Ты дурак или прикидываешься?! – рассердился я.

– Тогда, майор, все будет путем, – лучезарно улыбнулся Эмир. – Если любые – он расколется без вариантов. И самого «языка» вернем. Не сомневайся!

– Наконец-то дошло, – проворчал я. – Встречаемся в квартире на Смоленской. Адрес и номер телефона, надеюсь, помнишь?

– Да. – В Вахиных глазах вновь сверкнули волчьи огоньки.

– Ну и чудненько, – подытожил я. – В случае необходимости звони туда же. Шифровальной таблицей пользоваться не обязательно. Номер там «железный», прослушивание исключено...

* * *

Моя пожилая «девятка» катила по ночному, но так и не уснувшему городу. Из дверей многочисленных казино вываливались потные, злые игроки (надо полагать, ободранные до нитки). У круглосуточных магазинов, торгующих спиртным, нетвердо перемещались любители «зеленого змия». За характерно мерцающими окнами жилых домов палились в экраны телеманьяки. Гайшники на постах бдительно вычисляли пьяных водителей. Меньшую часть – для плана. Большую – ради получения известной мзды. Кое-где вдоль обочины дороги «голосовали» проститутки в мини-юбках. За рулем машины сидел Костя и сквозь зубы насвистывал незатейливый мотивчик. А я терзался скверными подозрениями. Чудилось мне, будто Асланов как-то очень хитро меня объегорил. Недаром лыбился, сволочь! Но как?!! Допрос он проведет, однозначно. Все, что можно, из Муслима вытянет. Занывать пленника не посмеет. И тем не менее я чувствовал себя обманутым. Почему? Не знаю!..

– Не парься, Дима, – словно прочитав мои мысли, сказал Сибирцев. – Не станет твой агент фортеля выкидывать. Ну куда он денется с подводной лодки?!

– Так-то оно так, – вздохнул я, – однако на душе не спокойно. Ладно, Костя, дай сигарету, а то свои кончились...

Глава V

Конспиративная квартира находилась на пятом этаже добротной, хотя и малость облупившейся, сталинской высотки. Она состояла из трех комнат и кладовки, по совместительству выполняющей роль карцера. В него иногда запирали некоторых товарищей, дабы не путались под ногами. Кстати, год назад в карцере провел пару неприятных часов Ваха Асламов. Ведь именно на этой квартире происходила последняя, завершающая стадия его вербовки. Первая, основная, о которой не стоит знать правозащитникам, разворачивалась на одной из н-ских свалок...

Набрав код дверного замка, я повернул ключ. Бронированная дверь бесшумно отворилась. Изнутри пахло густым духом казенного, давно не проветриваемого помещения. Последний раз, если мне не изменяет память, квартиру использовали месяца три назад. Костя щелкнул выключателем. Вспыхнувшая под потолком лампа осветила небольшую прихожую с ковровой дорожкой, давно требующей пылесоса, и оброненной кем-то зажигалкой на полу. На стене, обильно покрытые пылью, висели олени рога.

– Н-да-а уж, уютное местечко, – иронически заметил Сибирцев и, не удержавшись, оглушительно чихнул.

Не разуваясь, мы прошли в ближайшую комнату с диваном, креслами и видеодвойкой. Той самой, по которой будущему Эмиру демонстрировали чудовищный компромат на него, созданный нашими титаническими усилиями (см. «Изнанка террора»).

– Кофе тут водится? – давя зевоту, поинтересовался Костя.

– Поищи на кухне, а я пошарю в баре. Там вроде неплохой коньяк оставался...

Спустя минут десять мы расположились в кожаных креслах около журнального столика (тщательно протерев все это от пыли) и принялись маленькими глотками потягивать растворимый кофе с коньяком. Стенные часы на батарееках равномерно отсчитывали секунды.

– Давай телик посмотрим?! – выдвинул предложение я и, дождавшись вялого кивка товарища, нажал кнопку «лентяйки». На экране появилось «Реалити-шоу «Большой Брат» Ночная жизнь». Губы у меня резко сжались, давя инстинктивный плевок.

– Разделяю, – сочувственно глянул на меня Сибирцев. – Зрелище для извращенцев, любящих подсматривать в дырочки пляжных кабинок, в чужие окна на первом этаже или в щели деревенских сортиров. Господа шоумены старательно пробуждают в молодежи самые низменные инстинкты.

– Да, но не только, – сглотнул слюну я. – Тут дело гораздо серьезнее. Помнишь электронных зомби лета прошлого года? (см. «Технология зла»).

– Эк тебя занесло! – удивился Костя.

– Не занесло. Просто ты не понимаешь сути, – нахмурился я. – Вот погляди – у ТЕХ были вживлены под кожу микрочипы с личными идентификационными номерами. Эти чипы, связанные через спутник с Управляющим компьютером, обеспечивают постоянный, тотальный контроль над человеком. Даже за его мыслями. Он живет в так называемом «полностью прозрачном обществе». Вернее существует. И ЭТИ. – Я ткнул пальцем в сторону экрана. – Тоже существуют. Они у всех на виду день и ночь, как пауки в банке. (Кстати, «выживет» из них лишь один паук, которому и достанется денежный приз.) Приказы, порой совершенно идиотские, им отдает нарочито неживой, металлический голос. Прообраз Управляющего компьютера. А комментирует сие безобразие кукольной внешности дамочка, с чудовищным иностранным акцентом. Она, полагаю, олицетворяет собой эmissара, а скорее надсмотрщика, грядущего Мирового Правительства. Таким образом, достигаются минимум две цели:

1. Обывателей приучают к отсутствию тайны личной жизни и к существенному ограничению свободы воли. (Потом, после воцарения антихриста, свободу воли отнимут полностью.)

2. Тот, кто наблюдает за «пауками»... Нет, не телезрители, а закулисные организаторы... Так вот, они оценивают, прикидывают – способно ли уже новое поколение российской молодежи жить в полностью прозрачном, тоталитарном государстве антихриста. Заметь, Костя, подобные шоу неизменно повторяются на протяжении целого ряда последних лет. В разных вариациях, с разными названиями... Но смысл-то у них один!

– Да-а, – резко помрачнел Сибирцев. – Не дремлют гады, готовятся! В Н-ске, например, исподволь внедряют разнообразные пластиковые карточки с личными номерами граждан. А в каждом из таких номеров – три компьютерные шестерки, то есть число зверя. Позавчера захожу в супермаркет, набираю покупок, а мне кассирша эдак ласково: – «Вы карточкой будете расплачиваться?» – «Нет, – говорю, наличными». – «Жа-а-аль, – разочарованно тянет она. – Карточкой гораздо удобнее». Ползучее наступление, короче... Да переключи ты эту мерзость! – вдруг взорвался он. – Смотреть тошно!!!

Я послушно щелкнул пультом. На экране страстно замычала и захлопала порнуха, в программах стыдливо именуемая «эротикой».

– Твою мать! – взбешенный Костя выхватил пистолет, но я успел вовремя выключить телевизор. Стрелять в темный, пустой экран было неинтересно, и Сибирцев, глухо рыча, сунул «ПСС», обратно за пояс.

– Надо контролировать нервишки, – попенял я. – Имущество-то казенное. Да и при чем тут оно?

– Извини, сорвался, – потупился майор. – С этой чертовой работой скоро натуральным психом стану.

– Слушай анекдот, – стремясь разрядить обстановку предложил я. – «Сынок, смотри какая вкусная кашка! Давай скушай ложечку за папу... ложечку за маму... ложечку за бабушку. Слушай, сын, давай закусывай по-нормальному! Мать придет – обоих попалишь!»

– Мне, пожалуйста, коньяк. Без кофе! – немедленно отреагировал Костя и протянул пустую чашку.

– Ну, если ты настаиваешь...

Бутылку мы «уговорили» минут за десять и немного расслабились в моральном плане. Взгляды прояснились, спали железные обручи, стягивающие головы. Руки больше не хватались за оружие по малейшему поводу. Окинув взглядом без прежней ненависти пустой экран, Сибирцев предложил посмотреть какую-нибудь интересную видеокассету. Поиски затянулись надолго, но в конце концов увенчались успехом. Среди груды всяческого барахла мы обнаружили «Бриллиантовую руку» Леонида Гайдая и весьма неплохо провели полтора часа. Затем Костя снова сделал кофе. Темнота за пуленепробиваемым окном сменилась зыбкими сероватыми сумерками. Луна в небе окончательно усохла, превратившись в жалкий сморщенный огрызок. Под потолком, причудливо сплетаясь, плавали клубы табачного дыма. На журнальном столике, в ярком свете люстры, сиротливо отблескивала пустая бутылка. А стрелки часов неумолимо показывали – Ваха опаздывает! Отведенные ему три часа давно истекли! В душе моей вновь зашевелились нехорошие подозрения, но на сей раз иного толка: «А может, те два башкира не столь глупы, как показалось на первый взгляд?! Может, они сумели догадаться, что после выполнения «ряда деликатных поручений внутри диаспоры» их никоим образом не оставят в живых?! Ведь они воевали вместе с чеченцами, ишачили у них в рабстве и должны по идее знать особенности национального характера нохчей! А если так, то не решат ли они первыми замочить Асланова или, что более вероятно, передать его в теплые объятия клана Салаутдиновых вместе с уликами (одной живой и тремя мертвыми). И сейчас, в таком случае, не Эмир допрашивает Муслима, а с него самого медленно, по кусоч-

кам сдирают кожу. – Представив воочию данную картину, я невольно передернулся и продолжил свои пессимистические размышления: – Наш Ваха отнюдь не Зоя Космодемьянская и под пытками выложит все до последнего. Тогда Салаутдиновы узнают, КТО в действительности повесил Лечи Рашидова, Хамида Халилова и КТО умело спровоцировал длящуюся по сей день, жестокою резню между девятью могущественными тейпами мятежников. В итоге наша операция «Кровная месть» лопнет как мыльный пузырь! Ряд пикантных подробностей обязательно попадет в прессу, в Интернет, и тогда...»

Резкий телефонный звонок заставил меня вздрогнуть.

– Ало?

– Это Эмир, – донесся из трубки знакомый голос.

– Фу-у-уф! – облегченно выдохнул я. – Где ты пропал? – Я с трудом удержался от нецензурной брани... – Где тебя черти носят?!!

– Извини, командир, очень упорный гад попался. – В голосе агента звучали удрученные нотки. – Я, правда, сам не ожидал...

– Но ты смог получить необходимую информацию?!!

– Да, с огромным трудом, однако...

– Что «однако»??!!!

– Он, понимаешь, немного не в форме. Даже неудобно вам показывать...

– Слышь, Ваха, не пудри мне мозги! – взбеленился я. – Ты, часом, не заныкал Муслима для Абдулы?!

– Упаси Аллах!!!

– Значит, вези его сюда. Вместе с пленкой. В любом виде! И учти, если «языка» с тобой не будет...

– Будет, майор! Обязательно будет!

– Тогда поторопись. Ты без того опаздываешь дальше некуда! – Я бросил трубку на рычаг.

– Истерзал агент пленного, – полувопросительно, полуутвердительно произнес Сибирцев.

– Да, похоже на то, – кивнул я. – Причем капитально. Ну а что с ними поделаешь? Зверье!!!

– Пойду поищу аптечку, – поднялся на ноги Костя. – Хотя бы в божеский вид мужика приведем. До приезда «Скорой» из Конторы.

На подоконник внезапно уселась здоровенная ворона. (И когда успела проснуться, зараза?)

Осмотрев внутреннее убранство комнаты наглым круглым взглядом, она вдруг с силой долбанула клювом в оконное стекло и стремительно взмыла в воздух. Я никогда не был суеверен, не верил ни в какие приметы, но в тот момент меня буквально мороз по коже продрал...

Глава VI

Когда уже полностью рассвело, послышался условный звонок в дверь. Я заглянул в телескопический «глазок». На лестничной площадке стоял Ваха: один, без башкир и без Муслима. Со старой спортивной сумкой в руке.

– Обманул, падла! – прорычал я, затаскивая агента в квартиру. – Оборзел в конец, звзрек поганый! Ну, погоди! Ща ответишь. Скотина! – ухватив Эмира за горло, я довольно ощутимо приложил его затылком к стене.

– Отпусти, майор! – задушенно прохрипел Асланов. – Я... не обманул! Все как договорились!!!

Я удивленно разжал захват:

– Как договорились?!

– Ну да, кхе, кхе. – Ваха, морщась, растирал помятое горло. – Допрос снял, кхе, кхе... Записал на камеру... Вот. – Он вынул из-за пазухи маленькую кассету. – И пленного я не заныкал, кхе, кхе... Язык у него на месте. Тут он, посмотри! – чеченец расстегнул на сумке «молнию». Внутри, страшно оскалившись, лежала отрезанная голова Муслима.

– И как прикажешь это понимать? – ледяным тоном осведомился Костя.

– Я же говорил – он не в форме, неудобно к вам везти, – опасливо косясь на «влиятельного зятя», зачастил Асланов. – Ну... упорный он оказался слишком. Пришлось применять крайние меры, а он в конце допроса взял да и умер от болевого шока. Я, кстати, пытался объяснить ситуацию майору Корсакову, но намеками. По телефону-то всего не скажешь. Даже по «железному»! Однако майор ничего не понял. Видимо... ар-кх-кх. – Получив кулаком под дых, Эмир согнулся пополам. Усатое лицо налилось кровью. Яркогоубый рот судорожно разевался, пытаясь ухватить воздух.

– Не смей оскорблять меня, животное, – холодно посоветовал я. – Место свое забыл? Еще раз гавкнешь – убью!

– Не кипятись, Дима, – миролюбиво предложил Сибирцев. – Он, думаю, понял и гавкать больше не будет. Сейчас он отдышится и сообщит нам подробности.

Асланов отдышался минуты через полторы и, пряча взгляд, рассказал следующее. Они с башкирами отвезли Муслима на временно законсервированную стройку, принадлежащую клану Беноевых. Там пленника подвергли допросу с пристрастием. В роли палачей-исполнителей выступали оба раба, а сам Ваха лишь давал ценные указания. Салаутдинов упорствовал не менее двух часов: показания давать не желал и усердно проклинал своих мучителей. Но затем, не выдержав истязаний, все же сломался. Муслим, выдав информацию по всем интересующим нас вопросам, добавил кое-что сверх плана (смысла Эмир не понял) и скончался от болевого шока.

– Слишком слабый был. Не джигит! – резюмировал Ваха. – А потом, ну посудите сами, не везти же мне вам труп целиком! Он в кровище весь, с паяльником в заднице... Я и отрезал голову в виде доказательства. А то еще обвинят черт-те в чем! – Асланов недобро покосился на меня.

На некоторое время в квартире воцарилась могильная тишина.

– А где башкиры? – спросил наконец Костя.

– В подвале канализационный люк, – счел нужным пояснить Ваха. – Сперва рабы сбросили в него туловище Муслима. А после – я их туда же. Нет, не живьем! Пристрелил сначала. Я ведь не такой изверг, как вы полагаете. – Тут он снова зыркнул в мою сторону.

«Как раз такой! – со злостью подумал я. – И не фигу корчить из себя добряка-гуманиста. Пристрелил! Ага, правильно. Так ты и поступил. Но вовсе не по доброте душевной! Просто с ними живыми ты бы вовек не справился!»

– Можешь идти, – вслух сказал я. – Будем считать – задание выполнено.

– А это вам нужно? – чеченец указал на сумку.

– Да забирай! Забирай на хрен!!!

– Как скажете...

Спустя пятнадцать секунд дверь за Эмиром захлопнулась.

– Проклятый лжец! – прошипел я. – Недаром у меня на сердце кошки скребли. Все-таки обдурил. Мерзавец!

– Ты о чем? – не понял Сибирцев.

– Да об Эмире, в рот ему дышло! Ты думаешь, «язык» действительно умер от боли?! Чушь собачья! Сегодня при захвате я сломал Муслиму руку в локтевом суставе. Так он только зубами заскрежетал и попытался треснуть меня другой рукой. Кроме того, ты видел оскал на лице покойного? Такой бывает, когда голову отрезают заживо, не торопясь. Не всегда, конечно, но с учетом вышеизложенного – я больше чем уверен!

– Значит, этот сукин сын...

– Именно, – угрюмо кивнул я. – Наш Ваха «и рыбку съел, и на трамвае прокатился». Допрос он провел добросовестно, не сомневаюсь. Но голову отрезал специально и наверняка у живого. Сейчас отвезет ее Абдуле и еще выше поднимется в глазах старого вурдалака.

– Уроды, нелюди! – тихо прошептал Костя. – Боже, как они мне надоели! Слышь, Дима, когда в Эмире отпадет необходимость – лично придушу!

– Боюсь, тебе придется ждать до самой пенсии, если не дольше, – криво усмехнулся я. – Ваха исключительно ценный агент. Другого такого подыскать проблематично. И вообще, в тебе говорят эмоции! По большому счету, Асланов ни чем не хуже прочих представителей чеченского племени. И сегодня он действовал сугубо в национальных традициях, впитанных им с молоком матери. Это я, дурак, оплошал. Небрежно, невнимательно провел инструктаж и оставил ему крохотную лазейку, которой хитрый нохча тут же воспользовался. Да, мне очень жаль, что не удалось сохранить в живых Салаутдинова. Он бы мог быть нам полезен в дальнейшей оперативной игре. Но и только. А окажись Муслим на месте Вахи, то можешь не сомневаться – зверствовал бы ничуть не меньше и точно так же постарался бы обдурить кураторов...

– Ты прав, – пробормотал Сибирцев. – Прав на сто процентов! Но все равно противно. Аж с души воротит!

– А мне, по-твоему, не противно?!! – вдруг взорвался я. – С утра до ночи по колено в грязи, по локоть в крови ворошить человеческие отбросы! И ежеминутно оглядываться, опасаясь выстрела в спину от очередного предателя! Думаешь, я бесчувственный боевой робот?!! Ошибаешься, дружище!!! У меня нервы давно на пределе! Вот уж много лет мне не снилось ни одного нормального сна. Ни одного, понимаешь?!! Постоянно какая-то гадость или откровенная бесовщина! Лишь иногда, после Причастия, ко мне приходит во сне покойная мать. Она плачет и пытается укачивать меня на руках, как маленького. – Я проглотил комок в горле, залпом допил остывший кофе, прикурил сигарету и, немного успокоившись, сказал: – Все, Костя, хватит сантиментов. Мы офицеры Государственной безопасности, а не кисейные барышни. Поэтому давай-ка займемся нашими прямыми обязанностями!

– Давай, – согласился Сибирцев, вставляя кассету от видеокамеры в адаптер...

* * *

Ваха прилежно записал процедуру допроса с начала до конца. Велся он на чеченском языке (не считая указаний палачам), но ни меня, ни Костю данное обстоятельство не смущало. Описание зверских пыток, которым Эмир подверг пленного, я, пожалуй, опущу. Скажу лишь одно: зрелище было запредельное! В начале третьего часа этого кошмара то,

что осталось от могучего гордого джигита, начало давать показания, если можно так назвать дикие, полубессвязные выкрики. Общая их суть сводилась к следующему: кафе «Имперская баррикада» и движение с одноименным названием выполняли функцию «фальшивых аэродромов». (Если кто не в курсе, то такие псевдо аэродромы специально строят во время войны, чтобы авиация противника отбомбилась по ним вместо настоящих.) Кроме того, как правильно вычислил Вован, наиболее безобразные сцены отдыха молодых «революционеров» записывались на скрытые камеры, а потом из них монтировали документальные видеофильмы, характеризующие «подлинное лицо так называемых русских патриотов». Часть означенных фильмов демонстрировалась в Чечне и Дагестане для поднятия боевого духа в банд формированиях. Часть за хорошие деньги продавалась за рубеж. Семен Пуримович (он же Эдуард Лимонадов) был, разумеется, в курсе происходящего и имел определенную долю с доходов «видеостудии». Финансовую поддержку заведения, газетенки и движения осуществляло ООО «Северная звезда», принадлежащее через посредников некоему богатому иностранцу. Имя главного хозяина Муслим не знал, а посредниками являлись Мовсар Аюбов, брат покойного садиста Шамиля, и Евгений Львович Прошечкин, в прошлом видный диссидент и правозащитник. Именно от них поступали все руководящие указания, в том числе о подрыве поезда Гудермес – Москва (нарочито халтурном), липовом покушении на Чубайса и о прочих скандальных акциях, преследующих цель укрепить миф о «русском националистическом подполье». Кстати, к указанным акциям «Имперские баррикады» не имели ни малейшего отношения. Эти придурки могли быть только «кинозвездами» в компрометирующих фильмах или, в крайнем случае, метателями яиц в различных госчиновников. А серьезные дела поручались серьезным людям. Так, например, «случайно неудавшийся» подрыв поезда осуществили два опытейших сапера из клана Салаутдиновых, а руководил операцией непосредственно Муслим... Приказ о проведении вчерашней операции тоже поступил из «Северной звезды». Причем Аюбов показал Муслиму мою фотографию и заявил: «Этого надо обязательно взять живым и, по возможности, невредимым. В один из ближайших вечеров он должен появиться в „Имперской баррикаде“. У него задание – «внедриться в красно-коричневое подполье». Так что придет, собака, никуда не денется... (Интересно, откуда инфо?! Опять предательство?! Но тогда уж где-то на самом верху!!!)... Короче, на выходе возьмешь, по-тихому. Стрелки переведи на «Имперских баррикадцев». Детали – на твое усмотрение. Пленного, не мешкая, привезешь в офис «Звезды» и передашь с рук на руки Прошечкину. Он будет ждать. Все!»...

Получив задание вчера утром, Муслим, вместе с тремя родственниками, поселился на втором этаже «Имперской баррикады». (Для гостей там имелись два превосходных гостиничных номера со всеми удобствами.) Долго ждать не пришлось. Вечером того же дня объект (то бишь я) исправно появился вместе с напарником в указанном месте, в указанное время. Правда, вид у нас был настолько «бледный», что джигиты не рискнули использовать ружья с парализующими иглами. Еще загнется доходяга, а заказали-то живым!.. Теперь насчет «перевода стрелок». Не мудрствуя лукаво, Муслим натравил на нас Санчеса (в миру – Рудика Левина) – штатного холуя Лимонадова. Выдал ему десять долларов, поручил «раскроить» морды «ментам поганым» и, не дожидаясь окончания процедуры, отправился с родственниками готовить засаду. «Доходяг» решили брать обоих (второй тоже сгодится до кучи) и голыми руками. Куда они на фиг денутся в таком-то состоянии, да еще после знакомства с пудовыми кулаками Санчеса?! Остальное читателю известно.

А вот дальше, под самый «занавес», пошли такие подробности, что я все-таки процитирую данный фрагмент допроса, слегка завуалировав наиболее гадкие моменты.

Ваха: Зачем Корсаков был нужен живым?

Муслим, видимо, не поняв вопроса, стонет и всхлипывает в ответ. Он раздет догола и выглядит ужасающе: сплошное кровавое месиво. Но лицо не тронут.

Ваха: Салават! Газман! Прочистите ему уши!

Башкиры производят над пленником мерзопакостную манипуляцию, никак, впрочем, не связанную с ушами. Звучит жуткий нечеловеческий вопль.

Ваха: Второй раз повторяю. Зачем Корсаков нужен был живым?

Муслим (содрогаясь от последствий пережитой боли): Точно не знаю... О-о-о-о! О Аллах!.. Я только слышал... Краем уха... разговор Евгения с Мовсаром...

Ваха: Что конкретно ты слышал?

Муслим (начинает сильно икать): Они говорили... и-ик... главный босс... и-ик... приказал взять Коновалова. Он живет... и-ик... в городских подземельях... Занимается компью... и-ик... тер... и-ик... ными делами... и-ик... и-ик... и-и-ик!

Ваха: Салават, дай ему воды.

Один из башкир подносит ко рту пленника металлическую флягу. Муслим жадно пьет, часто дергая кадыком.

Ваха (спустя некоторое время): Корсаков нужен для поимки Коновалова?

Муслим (надрывно дыша): Нет... Того возьмут и так... Там группа профессионалов работает... Использует опытных диггеров... Операцией руководит Евгений... лично...

Ваха: Тогда зачем?

Муслим(вероятно, выпав из обстановки): Убу... пыта... при... Спать! Дайте поспать немного!

Ваха (яростно): Салават! Газман!..

Снова некое отвратительное действие и снова истощный вопль.

Ваха: Повторяю вопрос – зачем?

Муслим (задыхаясь и рыдая): Его будут пы... пытать на глазах у Коновалова...чтобы тот сог... согласился работать на них... Коновал...ов очень при... вязан к Корсакову. Как к сыну. Он его... от смерти спас...

Ваха (уточняет): Корсаков спас?

Муслим: Да-а-а-а.

Ваха: Что еще?

Муслим: Больше ничего!.. Ничего не знаю!.. Аллахом клянусь!!!

Ваха: Ну и шайтан с тобой.

На этом запись обрывается.

– Эмир снял показания, выключил камеру и с чистой совестью пошел отрезать кровнику голову, – прокомментировал Сибирцев и вдруг, случайно глянув на меня, не на шутку встревожился: – Эй, Дима, с тобой все в порядке? На тебе ж лица нет! Может, сердцехватило?!! Сейчас найду валидол!!!

– Не надо валидола, – медленно, глухо произнес я. – Сердце у меня в порядке. Просто, Константин, у нас очень плохи дела. ОЧЕНЬ! Хуже некуда!!!..

Глава VII

Виктор Иванович Коновалов был доктором физ. – мат. наук и без преувеличения компьютерным гением. До декабря 2002 года он работал в секретном компьютерном центре, внедряющем в России новейшие электронные технологии, предназначенные для модернизации систем контроля и управления. На работе Коновалова ценили и платили более чем щедро. Но в один прекрасный день он прозрел. (см. «Атака из Зазеркалья»). Ученый понял, что занимается, по сути, дьявольским делом, а те технологии, над которыми трудится Центр, ведут прямоком к созданию антихристовой печати. Речь шла о личном коде человека, заменяющем христианское имя, и о новых электронных паспортах-карточках с микрочипом внутри. Кодирование информации там осуществлялось в соответствии с единым мировым стандартом ЕАН-13/UPS, благодаря чему она обязательно содержала в себе три компьютерные шестерки. Одновременно (якобы для борьбы с воровством и утерей карточек) готовилась замена их на окончательные паспорта-микрочипы, вживляемые под кожу правой руки человека или на лоб. То есть точь-в-точь как предсказано в Апокалипсисе (см. Откровения св. Иоанна Богослова, XIII. 16–18). Виктор Иванович пришел в ужас и решил хоть как-то исправить то зло, в котором был сам отчасти повинен. Поскольку три шестерки служили опознавательным знаком для всех систем обработки информации, используемых Тайным Мировым Правительством, он задумал создать новый компьютерный вирус, который будет заменять число Зверя в означенных системах любой произвольной комбинацией цифр, и запустить его в Интернет. Пораженные вирусом суперкомпьютеры Мирового Правительства мгновенно утратят способность «читать» поступающую к ним информацию, и всемирная система управления людьми полетит псу под хвост. (Вот было бы здорово! И я, и Рябов, и генерал Марков очень на это рассчитываем!) Свое будущее детище Коновалов условно назвал «Мусорщиком». Правда, воплотить в жизнь блестящую идею компьютерного гения было весьма и весьма проблематично. Чтобы преодолевать защитные программы, которые будут поспешно создаваться против нового вируса, «Мусорщик» должен постоянно модифицироваться в процессе охоты: самостоятельно и непредсказуемо. (Это являлось главной технологической проблемой, над которой ученый бился по сей день.) Кроме того, Силы Тьмы не оставляли Коновалова в покое. Поначалу он угодил под пресс упоминавшейся ранее Структуры, потерял любимую дочь и сам едва не погиб, чудом выскользнув из рук убийц. Коновалов при помощи каких-то влиятельных людей обосновался в городских подземельях, обустроил там вполне приличную лабораторию, возобновил работу над «Мусорщиком» и... попал в руки сатанистов, вознамерившихся принести его в жертву дьяволу. По счастливой случайности я оказался рядом и успел поголовно «зачистить» ублюдков. (Так, кстати, мы с ним и познакомились.) В дальнейшем Виктор Иванович оказал нашему отделу неоценимую помощь в раскрытии целого ряда серьезнейших, запутанных дел, но самого его продолжали преследовать несчастья. Например, летом 2004 года у него возникли острые проблемы с финансированием работ, но их в конечном счете удалось решить благодаря двум миллионам евро, предназначавшимся для террористов и насильственно изъятым мною у ныне покойного господина Пасюка. А затем в декабре он впал в диабетическую кому, усугубленную двусторонним воспалением легких, и едва не умер. К настоящему времени здоровье Коновалова более-менее нормализовалось, однако по причинам вышеизложенным «Мусорщик» до сих пор не был завершен. Ученый продолжал жить в своем подземном бункере на нелегальном положении. Ввиду целого ряда обстоятельств он пользовался огромным уважением у подземных жителей и получил от них прозвище Компьютерщик. И вот, невзирая на уважение, кто-то из «детей подземелья» его предал. Или, в лучшем случае, сболтнул лишнее в неподходящее время, в неподходящем месте. Иначе КАК враги сумели организовать целена-

правленную охоту на него, в удачном исходе которой они не сомневались?! А меня, выходит, решили взять в заложники для оказания психологического давления на Компьютерщика, для склонения его к сотрудничеству, и опять-таки уверены в успехе. Вот это новость! За время, прошедшее с момента нашего знакомства, я успел крепко привязаться к Виктору Ивановичу. Если не как к отцу, то по крайней мере как к старшему брату. Но у меня и в мыслях не было, что он может испытывать ко мне похожие чувства!!!

Теперь о Сибирцеве. Будучи одним из доверенных людей шефа, он, разумеется, немало слышал о Компьютерщике. Даже видел пару раз, когда тот под чужим именем лежал в клинике ФСБ в конце прошлого – начале нынешнего года. Однако фамилия «Коновалов» ему ничего не говорила. И сейчас, когда я объяснил, о КОМ бормотал Муслим, Костя побелел как полотно.

– Нужно сию же секунду связаться с ним, предупредить об опасности! – хрипло сказал Сибирцев. – У тебя есть такая возможность?

– Есть, – кивнул я, подходя к телефону. Еще с самого начала Виктор Иванович оставил мне для связи уникальный телефонный номер, собственное изобретение Компьютерщика. Уникальность номера заключалась в том, что засечь местонахождение его обладателя было абсолютно невозможно. Даже при наличии суперсовременной техники прослушивания и пеленгации...

Би-ип... би-ип... би-ип... – неспешно звучали длинные гудки. Прежде такого ни разу не случалось! Виктор Иванович в любое время суток брал трубку почти мгновенно. Я начал заметно нервничать. Би-ип... би-ип... би-ип... – на окно вдруг уселась давешняя ворона, снова долбанула клювом в стекло и издевательски уставилась на нас. Нервы мои не выдержали.

– Костя, убей поганую тварь! – тихо попросил я.

– Зачем?

– Убей!

– Ну, хорошо. – Сибирцев по-кошачьи прокрался на кухню. Окно там открывалось совершенно бесшумно.

Би-ип... би-ип... би-ип... би-ип... Спустя короткий промежуток времени послышалось характерное «П-ф-ф», злобные карканье, хлопанье крыльев и лаконичное ругательство майора.

– Представляешь, промазал с трех метров! – вернувшись в комнату, растерянно сообщил он. – Никогда прежде со мной такого не случалось. Прямо наваждение какое-то!

Би-ип... би-ип... би-ип... би-ип...

– Ало, – после семидесятого гудка прорезался в мембране усталый голос Компьютерщика.

– Виктор Иванович! – порывисто вскричал я. – За Вами охотится целый отряд злых людей под руководством опытных диггеров. Кто-то из подземных жителей то ли предал Вас, то ли проболтался...

– Знаю, – немного помедлив, ответил Коновалов. – Они уже были в лаборатории. Разгромили ее подчистую. Я лишь чудом сумел уйти и захватить чемодан с деньгами. Сейчас отхожу в дальние заброшенные тоннели, но они очень хорошо ориентируются под землей и неотступно следуют по пятам. С ними какая-то странная, специально обученная собака. Прощайте, Дима, мне конец...

– Да нет же, нет!!! – Я едва сдерживал слезы. – Они не собираются вас убивать. По крайней мере, сразу. Вы, пожалуйста, продержитесь некоторое время, и мы вас обязательно выручим!

– Не стоит, Дима, не рискуйте понапрасну. – Голос Компьютерщика звучал еле слышно. – Поскорее уезжайте из города как можно дальше, в глушь. Вам грозит... – неожиданно связь прервалась.

– Блин!!! – Я так шарахнул трубку о рычаг, что чуть не сломал аппарат.

– Успокойся, братишка, – мягко сказал Костя. – Надо не впадать в отчаяние, а действовать немедленно!!!

– Ты прав. – Я с трудом обуздал эмоции. – Будем брать за жабры господина Прощечкина – главного руководителя операции. Не думаю, что он лазает под землей вместе с охотниками. Наверняка где-то на поверхности прохлаждается, ждет результат и лапки потирает, сволочь! Короче, бери мою машину, мчись к Маркову и лично в руки передай ему эту записку. – Я схватил лист бумаги, авторучку, коротко изложил суть проблемы и попросил выдать Сибирцеву некоторые необходимые нам вещи (в том числе «сыворотку правды»). – Помимо записки отдай ему кассету. Насчет предателя генерал догадается сам. Чай не дурак! Встречаемся через час в... (я назвал место)... – И еще – ни записка, ни кассета не должны попасть в третьи руки. Ни на секунду!!! Лучше проглоти их. Кроме того, быстренько «пробей» по базе данные ООО «Северная звезда».

– Знаю, не маленький, – проворчал майор. – А ты чем займешься?

– Вдвоем нам не справиться, а конторских привлекать рискованно. – Моя улыбка напоминала волчий оскал. – Придется вновь задействовать Эмира с соплеменниками. В качестве гонорара пообещаю ему месье Аюбова. Живого, почти здорового. Перед таким искушением Асланов не устоит!!!..

Глава VIII

– С кунаками и нукерами? – хмуро переспросил по телефону разбуженный Ваха. Голос чеченца звучал сипло и раздраженно. Видать, только-только спать улегся после трудов праведных. – С нашими и с вами. Гм! Ну, даже не знаю...

– Не волнуйся, не спалишься, – успокоил я агента. – А во-вторых, и я, и «зять» отлично говорим по-чеченски. Ты же в курсе. Будем общаться исключительно на вашем языке. Думаю – прокатит!

– Акцент все-таки есть, – засомневался Эмир. – Маленький, правда, и непонятно какой, но есть. За настоящих нохчей вы вряд ли сойдете.

– Не беда! – отмахнулся я. – Скажешь – дагестанцы. Из особого спецподразделения подпольщиков, которые из уважения к тебе приехали подсобить в отлове собаки Аюбова. Или по иной причине. Сам придумаешь!

– Я заплатил хорошие деньги большим людям в Махачкале, – поразмыслив с минуту, родил Асланов. – И они прислали вас. Инкогнито! Настоящие имена кунакам и нукерам знать не обязательно, а условные...

– Я – Халил, «зять» – Рашид, – быстро предложил я. – Согласен?

– Без вопросов!

– Тогда в темпе подтягивайтесь к объекту номер 2. Помимо оружия, захватите с собой взрывчатку, опытного сапера, противогазы и... и болотные сапоги. Возможно, пригодятся...

– Да, сапоги действительно нужны, – одобрил Ваха.

– ??!!

– При встрече объясню, – пообещал Эмир.

– Ладно, не опаздывай. – Повесив трубку, я сполоснул лицо холодной водой из-под крана, отыскал в платяном шкафу рубашку подходящего размера, переоделся, запер квартиру, вышел из дома и, поймав частного, отправился на встречу с Сибирцевым...

* * *

«Объект № 2» на кодовом языке означал парк у кинотеатра «Казань» на западной окраине города, в районе новостроек. Тем, кто читал «Изнанку террора», уже доводилось бывать здесь в августе 2004-го. За минувшую пору это местечко существенно не изменилось. То же отсутствие народа рано утром, те же тоненькие деревца, та же прекрасная видимость. Нежелательного «гостя» или подозрительную машину замечаешь издали...

С Костей Сибирцевым мы встретились за два километра от парка в пустом пыльном прямоугольном дворе, окруженном уже выстроенными, но не отделанными изнутри и не застекленными домами. Кое-где в оконных проемах мелькали силуэты гастарбайтеров в рабочих спецовках. Пахали бедолаги, как водится, с рассвета и на происходящее снаружи внимания не обращали. Майор приехал на микроавтобусе «Шевроле» с тонированными стеклами и с обычными, городскими номерами. Внутри салона, у задних сидений стояли два тюка с затребованным снаряжением и два специальных карабина для стрельбы газовыми капсулами.

– Мы отныне дагестанцы, – с ходу объявил я. – Тебя зовут Рашид, меня Халил. Смотри не перепутай!

– Понял, – кивнул Костя.

– Теперь о чертовой «Звезде». В базе есть о ней информация?

– Есть, – заметно поскущел Сибирцев. – С одной стороны, весьма интригующая, но с другой – ни рыба ни мясо...

– Выкладывай!

– Фирма открылась в конце января 2005 года. Официально занимается новейшими компьютерными технологиями. А хозяин, кто бы ты думал?! Тот самый гражданин США Клод Ланцман!.. Эх, жаль не удалось прищучить гадину в прошлый раз! В момент «раздачи призов» отсиделся у родственников в Израиле. Ну да ладно. По очень смутным и непроверенным сведениям через «Северную звезду» осуществляется финансирование антирусских, антигосударственных структур и движений. Но это всего-навсего подозрения. Ни одного доказательства у Конторы нет. Кто конкретно ведет их разработку, «база», естественно, не сообщает. Теперь непосредственно к делу. Рабочий день в офисе «Звезды» начинается в девять утра, то есть, – Костя посмотрел на часы, – уже начался десять минут назад. Здание двухэтажное, не слишком большое. Там сосредоточился руководящий состав. Производство расположено через два квартала, в одном из цехов завода «Квант». Значит, можно мочить всех подряд! В руководстве подобного змеюшника нормальных людей в принципе не бывает! Охрана в офисе серьезная, многочисленная, грамотно организованная. Видимо, учли печальный опыт «Мантрейи» (см. «Карта смерти»). Все секьюрити – выходцы из враждебных Асланову тейпов. Тут они повторяются. Да, еще, по слухам, под землей есть прямой вход в здание. Но это опять-таки слухи без каких-либо подтверждений. – Сибирцев замолчал.

– Н-да, не густо, – вздохнул я. – Лучше бы, конечно, обходным путем, через подземные коммуникации, как я изначально рассчитывал. Но... на нет и суда нет! Придется идти напролом! Взорвем дверь, пустим внутрь газ, отыщем Прошечкина с Аюбовым и в темпе уносим ноги. Даст Бог, успеем! – Я снова вздохнул. План действий получался чересчур авантюрным. Но иного выхода у нас не было!

– Поехали Костя, – сказал я. – Эмир небось заждался...

* * *

В парке нетерпеливо переминалась с ноги на ногу целая свора горцев. Человек двадцать, не меньше. Рядом стояли машины. Асланов с соплеменниками приехали на пяти черных джипах типа «катафалк».

– Нас, пожалуй, за похоронную процессию примут, – пошутил Сибирцев.

– Так оно и есть, – проворчал я. – Живо натягивай маску и не вздумай произнести хоть слово по-русски!..

Не знаю, что там напел Ваха насчет «крутых спецов из Махачкалы», но приветствовали нас гордые нохчи с великим почтением. Подходили по очереди, вежливо представлялись, здоровались за руку и, нагнув голову, щекой прикасались к щеке. (Эдакий замаскированный чеченский поклон. Знак большого уважения младшего к старшему.) По окончании сей торжественной церемонии боевики деликатно отошли в сторонку, а старшие, т. е. мы с Аслановым, провели краткое секретное совещание.

– Ты молодец, Халил! Все предусмотрел! – радостно блестя глазами, выпалил Ваха. – Газ надежный? Такой же, как был в «Норд-Осте»?

– ???!!!

– Я сразу догадался, – не заметив моего изумления, продолжил он. – Подбираемся из-под земли, пускаем газ через решетку, охрана отрубается. Аккуратно взрываем решетку маленьким зарядом. Шума почти не будет, гарантирую! Пускаем газ в вентиляционную систему, а дальше проще простого. Прошечкину и Аюбову вкалываем антидот, остальных добиваем. Правильно?

– Да, – степенно кивнул «Рашид».

Из дальнейшего их разговора (в котором я исполнял роль декорации) выяснилось следующее: оказывается, Вахины люди давно «пасли» офис «Звезды», так как по-иному сцапать Мовсара у них не получалось. (Причины объяснять слишком долго.)

Неведомыми путями они раздобыли детальный план здания, пронюхали о подземном лазе, даже сунулись туда однажды, но безуспешно. Вход преграждала массивная кованая решетка. Такая, как в фильмах про рыцарские замки показывают. Пролезть сквозь нее не пролезешь, однако стрелять, при наличии определенных навыков, можно весьма эффективно. Но главное в другом! Снаружи решетки находилась обширная, старательно расчищенная площадка, периодически освещаемая мощными прожекторами. Они включались автоматически, стоило кому-нибудь теплкровному пересечь контрольную линию. А за решеткой в подвале здания круглосуточно дежурили несколько охранников с крупнокалиберными, грамотно установленными пулеметами. В результате любой чужак, рискнувший приблизиться к потайному входу в «змеюшник», моментально попадал под шквальный огонь, и шансов уйти живым у него практически не оставалось. Так, в прошлый раз (примерно месяц назад) там полегло пятнадцать посланцев Эмира. Неожиданно вспыхнувший, ослепляющий свет и смертоносный свинцовый вихрь без предупреждения... Спаслись удалось лишь трахнутому на голову саперу Зелимхану, в декабре 2004-го успешно взорвавшему «Мантрейю» (см. «Карта смерти»). Недаром говорят: «дуракам счастье». После вышеописанного инцидента в хитроумную Вахину голову явилась мысль об использовании газа, однако ничего круче «Черемухи» он достать не сумел. Асланов кусал губы в бессильной ярости, а тут вдруг возникли мы с воистину «царским» предложением. Ваха так обрадовался, что в настоящий момент я не замечал в его взгляде привычной, затаенной ненависти...

Согласно имеющемуся у него плану и собранной по крупицам информации, в подвале, за спинами пулеметчиков, проходила труба общей вентиляционной системы здания. Кабинеты Прошечкина и Аюбова располагались на втором этаже, а подступы к ним тщательно, профессионально охранялись. Всего в офисе насчитывалось шесть управленцев и порядка тридцати секьюрити...

К концу беседы я наконец-то выпал из прострации и, подобно Косте (пардон, Рашиду), важно изрек:

– Начинаем выдвижение к цели. Оружие у вас, надеюсь, с глушаками?

– Обижаешь, начальник, само собой! – белозубо улыбнулся Эмир.

– Хорошо. Но запомни, дорогой. Во-первых, с головы Прошечкина не должно упасть ни одного волоска. Во-вторых, Аюбова, как обещали, мы отдаем в полное твое распоряжение. Но не сразу, а после того, как маленько с ним пообщаемся. И учти – он слишком много знает. Как бы потом у вас не сболтнул лишнего!

– Не сболтнет, – весело заверил Ваха. – Это я тебе железно обещаю!..

Глава IX

Под ногами хлюпала грязная, тухлая вода. Местами она достигала коленей, но спасали болотные сапоги. Спина под бронежилетом невыносимо чесалась. В сыром, спертom воздухе остро пахло плесенью и немного разложившейся плотью. По словам Эмира, раньше в тоннеле водились полчища крыс, с жадностью пожирающих любого, кто не имел при себе ультразвукового «отпугивателя». Во время прошлой, неудачной экспедиции нукеры Асланова (все оснащенные приборами) видели не менее трех разодранных в клочья трупов. Но сейчас, конечно, запах издавали не они. За истекший месяц прожорливые твари уж точно обглодали останки до костей. Наверное, кто-то еще (либо по глупости, либо от безысходности) спустился в н-ские подземелья, сделался добычей крыс и теперь, немного недоеденный, лежал под тонким слоем воды... Дорога вдруг стала резко подниматься вверх. Тухлая жижа под ногами сменилась относительно ровной, сухой твердостью.

– Приборы! – нервно передал по цепочке идущий впереди Эмир.

Но, по-моему, зря он беспокоился. Думаю, никто и не выключал «отпугиватели» с самого начала спуска под землю. Уж лучше напрочь «посадить» питание, чем хотя бы издали «полюбоваться» на гнусных человекоядных существ, с не по-животному развитым интеллектом. Один их вид вызывает глубочайшее омерзение, а уж если попадутся мутанты... Б-р-р!!! Кстати, мне в конце 2003-го довелось подстрелить одного такого (см. «Атака из Зазеркалья»). Красноглазый, размером со сторожевую собаку, с длинным лысым хвостом... Зрелище, доложу вам, не для слабонервных!

– Ножи, – снова передал Ваха.

Впереди свисали с потолка сети невероятно толстой паутины, а прямо из пола торчали какие-то непонятные бурые растения, внешне напоминающие хлысты. (И откуда они взялись под землей?! Ума не приложу!!!) Минут десять наш отряд ожесточенно прорубался сквозь импровизированные джунгли и шепотом ругался по-чеченски. Но в конце концов заросли остались позади. Свободно пройдя шагов сорок, мы оказались в средних размеров пещере с высокими сводами и выключили фонари.

– За углом та самая площадка, – шепнул подошедший Асланов. – Длина метров сто. Не промахнетесь? В смысле – попадете в отверстие?!

Я только презрительно фыркнул в ответ и махнул рукой Косте. Он достал из рюкзака два противогаза. Глядя на нас, то же самое проделали чеченцы с неприличной для горских мужчин поспешностью. (Видать, не забыли «Норд-Ост»!) Взяв карабины с капсулами и надев приборы ночного видения, мы с Сибирцевым отделились от сбившихся в кучу нохчей и осторожно заглянули за угол.

Да-а! Начальник службы безопасности «Северной звезды» недаром ел свой лаваш. Пространство перед решеткой представляло собой отлично подготовленное место для расстрела. Неширокое, ровное, овальной формы, без единой кочки или бугорка. Укрыться от огня пулеметов абсолютно негде! Примерно посередине валялись пятнадцать обезглавленных, обглоданных до костей скелетов. Очевидно, в том районе и проходила контрольная линия. Я поманил пальцем Ваху.

– Посмотри!

– Шакалы! – увидав скелеты, прошипел он. – Нелюди! Собачье дерьмо! Таких уродов в колыбели убивать надо!

И действительно, оставить покойных единоверцев на съедение крысам было неслыханным варварством, даже по чеченским меркам. То, что головы отрезали кровникам, – понятно. Национальная традиция! Но могли бы хоть останки прикопать для приличия. Поэтому негодование Эмира было вполне обоснованно и справедливо. Правда, он немного

запомнил, как сегодня ночью сам утопил в канализации три мусульманских тела. Однако собственные грехи прощаются легко...

Жестом отправив Асланова обратно в пещеру, я подал Сибирцеву условный сигнал. Приняв упор для стрельбы лежа, мы плотно прижали к плечам приклады, аккуратно прицелились и...

Пф... п-ф... п-ф... п-ф..... п-ф..... п-ф, – тихо захлопали снабженные глушителями карабины. Вопреки пессимистическим ожиданиям Вахи, все шесть зарядов попали точно в цель. Выждав необходимое время, я в полный голос скомандовал: «Подрыв!» – и Зелимхан в противогазе косолапо устремился к решетке. В руке он держал небольшой брезентовый мешочек. Когда сапер добежал до скелетов, ослепительно вспыхнули прожектора, но выстрелов не последовало.

– Ай, хороший газ! Ай, качественный! – искренне восхитился Асланов.

Зелимхан пробыл у решетки совсем недолго. Бегом вернулся обратно, достал из кармана пульт дистанционного управления и, глупо ухмыльнувшись, нажал кнопку.

Бух – застенчиво прозвучал негромкий взрыв. Решетка широко распахнулась, но не рухнула и не развалилась.

«Действительно классный специалист», – мысленно отметил я.

– Вперед, джигиты! Аллах акбар! – кровожадно взревел Эмир.

В темном караульном помещении стояла тишина, нарушаемая лишь тяжелым сиплым дыханием усыпленных охранников. Найдя выключатель, Костя зажег свет. Пятеро пулеметчиков застыли на полу и почти не подавали признаков жизни.

– Головы отрежешь потом, – упредил я намерения Вахи. – Нечего тут грязищу разводить. Караулка нам, возможно, понадобится.

– Понял, – гадким противогазным голосом отозвался он и коротко бросил нукерам: – Придушить собак!

Пока горцы старательно выполняли приказ старшего, мы с Костей достали из рюкзаков оставшиеся емкости с газом, запустили его в вентиляционную систему и засекали время на часах.

– С левой стороны кладовка, – обернулся я к Асланову. – Спрячьте трупы туда и понадежнее прикройте дверь.

– А когда вверх?!

– Я скажу. Пускай надышатся основательно...

Пока чеченцы складывали мертвецов в указанное место, мы с Костей перевесили за спины карабины, взяли в руки «валы» и распахали по карманам «разгрузок» найденные в караулке гранаты. И использованные баллоны один из молодых нохчей сложил в пустой рюкзак, утяжелил его пулеметными лентами и бегом отнес в затопленный водой тоннель. Конечно, «вскрытие покажет», но результаты оного можно толковать по-разному, а вот явные улики оставлять не следует.

– Можно, – вновь покосившись на часы, разрешил Сибирцев.

– Противогазы не снимать! – на всякий случай предупредил я.

Если кто-то из читателей участвовал в штурме «Норд-Оста» или в спасательных работах, то он воочию представит картину, открывшуюся нашим взорам на первом и втором этажах офиса «Северная звезда». Повсюду неподвижные тела в глубокой отключке, гробовая тишина, валяющееся на полу оружие... Мы с Сибирцевым шли первыми, проверяя кабинеты и распахивая в них окна. Позади следовали чеченцы, добывая спящих одиночными выстрелами в сердце. В одной из комнат я, к немалому удивлению, обнаружил двух молоденьких секретарш лет по восемнадцать, не больше. «Вот тебе и одни управленцы с охранниками, – зло подумал я. – «База данных», блин! Халтурщики хреновы! Или секретарши для них не люди?! А ведь они наверняка не при делах! Просто принимали входящие звонки, переключали»

чали на нужного абонента. Печатали различные документы, не вникая в суть. Возможно, спали с кем-то из управленцев. Но ведь за это не казнят!!!»

– Баб не трогать! – строго предупредил я бородатого нохчу, уже поднявшего «стечкин» с глушителем. – Они наши осведомительницы. Ясно?

– Да, – ответил горец, опуская ствол.

– Ты лично отвечаешь за их безопасность, – жестким тоном продолжил я. – Если хоть один волос... В общем, ты понял!

Чеченец встал на пост у дверей, а я вколол девчонкам антидот, подтащил их поближе к открытому окну, включил кондиционер и снова обратился к бородатому:

– Когда бабы очнутся, то могут удариться в панику. Мозгов у них негусто, сам знаешь. Нохча понимающе ухмыльнулся.

– Тогда ты заклеишь им рты скотчем, свяжешь по рукам и ногам, а дверь запрешь снаружи. Остальных же предупреди – сюда, ни шагу!

Горец послушно закивал кудлатой башкой.

Авторитет «крупных спецов из Махачкалы» оставался непререкаем.

Обеспечив таким образом относительную безопасность секретаршам, я покинул кабинет и рысью устремился вдогонку Косте, ушедшему далеко вперед. Я обнаружил майора в дальнем конце второго этажа, в апартаментах господина Прошечкина. Вместе с ним в комнате находились: Ваха, с горящими от нетерпения глазами, и худосочный тип в противогазе и в мокрых, пахнущих мочой штанах. Тип стоял на коленях, вонюче потел и трясся в зверском ознобе. В углу лежало надрывно дышащее, громоздкое тело, принесенное, вероятно, чеченцами.

– Евгений Львович! Собственной персоной, – сообщил Сибирцев, пнув типа сапогом для наглядности. – Предусмотрительный, гад. Противогаз в сейфе хранил. Уж не знаю зачем! И нацепить успел вовремя. Интуиция у него, как у крысы! А Мовсар наглотался. – Костя указал глазами на тело.

– Антидот вколол? – спросил я.

– Да. Усиленную дозу, однако ни малейшего улучшения. А такой здоровый бык. Не понимаю!

– Организмы у всех разные, – философски заметил я. – И мы с тобой не врачи. Хрен с ним, с собакой, оклемается постепенно. Но главное в другом. Наш дорогой Прошечкин цел и невредим! А Аюбов в принципе не очень-то и нужен...

– Значит, можно забирать?! – встрепнулся Ваха.

– Нет, нет. Погоди немного, – покачал головой я. – Пусть твои люди займут места убитых пулеметчиков и охранников у дверей. Трупы стащите в одну комнату, следы крови замойте. А мы тем временем мал-мал поболтаем с обоими. Старшие в Махачкале велели кое-что у них выяснить. Впрочем, ты в курсе!

– Да, – с достоинством подтвердил Эмир.

– И еще. – Я понизил голос до шепота. – Во время допроса никто из твоих не должен подходить к дверям ближе, чем на двадцать метров. Когда все закончится, я свяжусь с тобой по рации.

– Хорошо. – Асланов вышел в коридор и начал отдавать нукерам соответствующие распоряжения...

Глава X

Выдержки из диктофонной записи наркодопроса Е.Л. Прошечкина, заместителя генерального директора ООО «Северная звезда»:

...Фирма создана по прямому указанию и на деньги Клода Ланцмана. Он руководит нами из-за границы через Интернет. В России, после трагедии с «Мантрейей», Клод больше не появляется... Кто командует им самим, не знаю, но это очень влиятельные люди!.. Да, по нашему распоряжению проводились различные провокации: взрыв пассажирского поезда Гудермес – Москва и (подробно перечисляет остальное)... Цель – скомпрометировать русское патриотическое движение, которое начало потихоньку возрождаться. Мы должны выставить их грязными дебилами (как «Имперских баррикадцев») или злобными террористами, взрывающими поезда с мирными гражданами... Нет, основная задача в другом – нахрапом вас пронумеровать не удалось, и нам поручено провести эту работу мягко, незаметно, поэтапно...

Телевизионными шоу, типа «За стеклом», «Большой брат» и т. д., занимается другая организация, подчиненная кому-то из соратников Ланцмана... Ее названия и адреса я не знаю... А наша компетенция – личные номера граждан с обязательными тремя шестерками... Мы ловко манипулируем некоторыми государственными мужами (перечисляет их громкие имена). Но манипулируем так, что большинство из них даже не сознает себя марионетками, выполняющими чужую волю. Мы ненавязчиво внушаем им идею о необходимости внедрения в стране именных пластиковых карточек. Якобы ради прогресса. А они дают соответствующие указания в подведомственные учреждения... Да, есть и прямые пособники, но их имена знает только Клод Ланцман... Один из таких пособников сообщил ему о поставленной перед ФСБ задачей разработать «Красно-коричневое подполье». Он, кстати, и инициировал эту задачу... А сведения о Корсакове и отношении к нему Коновалова сообщил информатор из ФСБ, недавно завербованный лично мною (называет имя, фамилию, должность иуды... Клод Ланцман поручил нам захватить Коновалова живым, морально сломать, вынудить к сотрудничеству и тайно переправить в Соединенные Штаты... К какому именно сотрудничеству – я не в курсе, но планы у Ланцмана грандиозные. Ведь Коновалов настоящий компьютерный гений... Операцию организовывал непосредственно я. Техническую, «черную» работу выполнял Мовсар со своими людьми. За хорошие деньги они завербовали трех профессионалов-россиян, отслуживших во французском Иностранном легионе. И двух опытных диггеров из числа поклонников сатаны. Этот отряд поработал на славу – за день отловили около десятка подземных жителей и под пытками склонили одного к сотрудничеству. Бомж (именем я не интересовался) показал дорогу к лаборатории Компьютерщика... Потом его убили, так как он перестал быть полезен... За минуту до вашего нападения на офис «охотники» схватили Коновалова, позвонили мне и согласно моему приказу ведут его подземными тоннелями в «Северную звезду». При нем обнаружена крупная сумма денег в чемодане. Немногим меньше двух миллионов евро... Нет, с отрядом я больше не связывался. Не до того было... У-у-у... ар-кхх-вау-у...

Действие «сыворотки» закончилось. Костя вколол Прошечкину небольшую дозу, которой хватило на полчаса беседы. Тем не менее заместитель генерального трясся в ознобе, стонал и периодически блевал в мусорную корзину. Выглядел он немногим лучше трехдневной свежести покойника. Из белесых, мутных глаз текли слезы.

– Чмо блевотное, – сквозь зубы процедил я, наградив Прошечкина звонкой оплеухой и сунул ему под нос дуло «вала»: – Возьми себя в руки, свинья, иначе пристрелю!

Мое «лечение» оказалось весьма эффективным. Видимо, страх смерти пересилил пен-
тоналовое похмелье. Евгений Львович прекратил трястись, стонать и блевать, вытер заре-
ванную рожицу рукавом рубашки и... повалился на колени.

– Не убивайте, пожалуйста! – отчаянно заблажил он. – Милые, хорошие, не убивайте!
Пощадите!

– Встань, чмо! – недвусмысленно поведя стволом, рявкнул я. – Хочешь жить? Разуй
уши и слушай внимательно. Ни единого словечка не упusti!

– Да, да, конечно! – поспешно вскочил на ноги зам. гендиректора.

– Позвони «охотникам», – грубо распорядился я. – Узнай, где находятся, и предупреди,
что охрана внизу сменилась. Пускай не корчат удивленные рожи, не хватаются за оружие, а
вместе с Коноваловым и деньгами прямиком топают к тебе в кабинет. Ты, дескать, им долю
с чемодана отстегнешь.

– Слушаюсь! – по-военному отчеканил он, сцапав мобильную трубку.

– Будут через полчаса, – в точности выполнив инструкцию, доложил Прошечкин.

– Молодец, – одобрил я и милостиво разрешил: – Присядь пока, отдохни.

Евгений Львович жабой плюхнулся в кресло и надолго припал к графину с водой.

В углу слабо зашевелился и заохал приходящий в сознание Аюбов.

– Второй вызывает Первого, – достав «Кенвуд», сказал я по-чеченски.

– Первый на приеме, – мгновенно отозвался Ваха.

– Можешь забирать свой «груз». Нам он больше не нужен. Уйдете через черный ход
с обратной стороны здания.

– А почему не под землей? – удивился Эмир.

– Не перебивай. Тогда поймешь! У решетки оставишь пятерых людей с пулеметами.
Скоро там появятся шесть человек с собакой. Не трогать их ни под каким видом! Общаться
строго, но дружелюбно. Когда пройдут, «пулеметчики» тоже могут отходить. Да не забудь
про наш договор насчет Аюбова.

– Не забуду, дорогой! – горячо заверил Ваха.

Спустя три минуты он влетел в кабинет в сопровождении двух нуреков, выхватил бое-
вой нож и, не успев я опомниться, лихо оттяпал Мовсару язык. Затем каким-то снадобьем
остановил хлынувшую из рта кровь.

– Не будет болтать! – Асланов игриво потряс в воздухе розовым обрубком.

Прошечкина вырвало по новой.

– Выброси в корзину, – посоветовал я. – И уходи. Времени у тебя в обрез. Боюсь,
остальных кровников ты не успеешь обезглавить.

– А мы уже, – хохотнул Эмир. – Пока вы допрос проводили. Зачем даром время терять?

– Нагадили, небось?! Кровищи повсюду налили?! – взбеленился я.

– Не беспокойся, Халил! Все чисто. Трупы надежно спрятаны. Следов нет! – Под моим
бешеным взглядом Ваха невольно попятился.

– Иди, – подал голос «зять». – До встречи!

– До встречи. – Асланов махнул рукой нукерам. Те подхватили под мышки жалобно
мычащего Аюбова и проворно вытащили в коридор. Следом вышел Эмир. Вскоре их шаги
затихли в отдалении.

– Вытри харю, урод малохольный, – бросил я Прошечкину. – На тебя смотреть про-
тивно!

Евгений Львович торопливо ухватил со стола первый попавшийся документ. Костя
неспешно приблизился к нему, заставил поправить рубашку, галстук и причесать волосы.

– Более-менее, – резюмировал майор. – Теперь делай морду кирпичом и гляди с важ-
ностью. Не забывай, сука, ты большой босс! А мы твоя персональная охрана...

Прошло некоторое время. В коридоре вновь слышались шаги и приглушенные голоса. Приведя «валы» в положение для стрельбы стоя, мы с Костей застыли по бокам стола с видом заправских телохранителей. В дверь осторожно постучали.

– Войдите, – начальственным тенорком разрешил Прошечкин. Вид у него был вполне нормальный. Очевидно, надеялся, что помилуют за сотрудничество... Дверь распахнулась, и в комнате появились «охотники» с громадной собакой непонятной породы. Двое волокли белого, как мел, Коновалова. Один нес чемодан с деньгами. Впереди шествовал плотный рыжий тип с серьгой в ухе. Видимо, главный в компании душегубов.

– Разобрали цели, – шепнул я Сибирцеву.

– Кто они?! Почему шепчутся?! – встревожился рыжий тип, вытягивая из-за спины автомат. Ответом ему стали сочные шлепки «валов». Ровно за три секунды мы уложили наповал пятерых охотников, а также собаку, с рыком бросившуюся на Костю.

– В ад отправились, мерзавцы, – хрипло сказал я. – Ступай-ка и ты следом. – Сраженный короткой шелестящей очередью, Прошечкин рухнул на ковер вместе с креслом. – А вам, Виктор Иванович, больше ничего не угрожает, – добавил я.

– Дима?! Вы?! – потрясенно воскликнул Компьютерщик.

– Точно, он самый, – стянув опостылевшую маску, улыбнулся я.

– О Господи! – Коновалов схватился за сердце.

– Костя, нитроглицерин! – крикнул я, подхватил оседающего на пол ученого, бережно усадил в кресло и начал ласково, как ребенка, уговаривать: – Ваши беды остались далеко позади! Враги мертвы. Мы отвезем вас в другой город, подальше от центра России. Поможем оборудовать лабораторию гораздо лучше прежней. Денег хватит. – Я кивнул на пресловутый чемодан. – А надо будет, еще достанем! И Вы спокойно возобновите работу над «Мусорщиком». Только не умирайте, Виктор Иванович! Христом Богом прошу!!!

Спустя пару минут нитроглицерин подействовал. Дыхание Коновалова выровнялось. На лицо вернулась краска, взгляд прояснился.

– Спасибо, Дима! – слабо улыбнулся он. – Я не умру и работу продолжу. Но, к сожалению, «спокойно» не получится. Это в принципе невозможно!!!..

Эпилог

Первая декада августа 2005 г.

Окрестности Н-ска.

В безоблачном синем небе ослепительно пылал раскаленный диск солнца. Ласточки носились высоко над землей, обещая отсутствие дождя. От мангалов веяло вкусным дымком. Широкий полотняный тент, растянутый над верандой шашлычной, создавал приятную тень. Но все равно было жарковато...

Обливаясь потом, мы с Сибирцевым с аппетитом уплетали тройные порции ароматного свиного шашлыка. За минувшее с начала июля время, силы у нас практически восстановились, доходягами мы больше не выглядели, однако есть хотелось по-прежнему. (В шашлычную мы зашли уже второй раз за утро.)

Недавно мы с майором вернулись из дальней поездки в холодные края, и генерал Марков выделил нам десятидневный отпуск. Благо командировка Рябова закончилась, отдел вновь функционировал под его чутким руководством, и с меня наконец-то сняли дурацкую приставку «и.о.». Взяв в напарники Костю, жена и дети которого уехали в черноморский санаторий ФСБ, я день-деньской валялся на загородном пляже, плавал в тепловатой воде и объедался шашлыками. Сибирцев занимался тем же. Водобоязнь он преодолел, но купался довольно редко. Когда уж совсем припекало...

Теперь о деле. Эвакуация Коновалова прошла успешно, без сучка без задоринки... По настоянию Виктора Ивановича мы отвезли его в далекий северный город (название не скажу, хоть убейте!), где проживали старинные друзья Коновалова, Андрей и Ольга Решетниковы (имена и фамилия мной сознательно изменены). Оба специалисты по компьютерным технологиям и, по заверению Коновалова, люди абсолютно надежные. Супружеская чета Решетниковых действительно производила приятное впечатление, но мы с присущей эфэсбэшникам подозрительностью поначалу им не особо доверяли. Враг, как известно, предать не может, на то он и враг. Зато друг... Гм!!!

Наши сомнения неожиданно развеял Андрей – среднего роста, очкастый мужчина с небольшим брюшком. На третий день по приезде он отвел меня в сторону и, заметно волнуясь, сказал:

– Я понимаю, Дмитрий, ваше беспокойство о судьбе Виктора. Его столько раз предавали... Неудивительно, что вы с товарищем видите в нас потенциальную угрозу. (Интересно, как он догадался?! Действительно умный мужик!..)

– Так вот, – продолжал Решетников. – Введите нам с женой специальные препараты, развязывающие язык. Извините, забыл название. И тщательным образом допросите. У вас есть с собой подобные препараты?! С Ольгой я поговорил. Она согласна!

– Е-есть, – оstonбенело выдавил я. – Но они... кхе, кхе... достаточно вредны для здоровья. И потом, после допроса вы будете, кхе... кхе, плохо себя чувствовать.

– Ерунда! – беспечно улыбнулся Андрей. – Перетерпим с Божьей помощью! Об одном прошу: давайте осуществим данную процедуру втайне от Виктора. Не хотелось бы его лишней раз нервировать...

Добровольный наркодопрос полностью убедил нас в порядочности Решетниковых. Они являлись по-настоящему верующими православными христианами, ненавидели всей душой слуг и пособников антихриста, отлично понимали всю опасность распространения «числа зверя», искренне хотели помочь Коновалову в создании «Мусорщика» и готовы были умереть в мучениях, но не выдать Компьютерщика. Кроме того, они обладали необходимыми связями, чтобы тихо, без шума приобрести все необходимое для воссоздания тайной

лаборатории. В конце допроса, правда, Ольге стало плохо с сердцем, но мы быстро откачали ее при помощи нашатыря и нитроглицерина...

Удостоверившись в надежности друзей Виктора Ивановича, мы вздохнули с облегчением, под чужой фамилией поставили его на учет в местной поликлинике (для получения инсулина). На случай перебоев с поставками закупили на черном рынке «стратегический запас», оставили ему чемодан с деньгами и, договорившись о связи, с чистой совестью отбыли обратно в Н-ск. Там нас ожидали интересные новости. Предатель внутри Конторы (оказавшийся личным шофером и доверенным телохранителем генерала Маркова) «по пьяной лавочке» угодил под электричку. Хотя в жизни не брал в рот спиртного! А в Администрации Президента скоропостижно скончался от сердечного приступа тот самый тип, который инициировал разработку «Красно-коричневого подполья». Конечно, смерть государственного мужа могла наступить по естественной причине, но уж больно хищный и довольный вид был у начальника Управления, сообщившего мне эту новость. Прямо как у кота, придушившего крысу. Или мне показалось? Не знаю... не знаю...

Кроме того, санэпидемстанция закрыла кафе «Имперская баррикада». Соответствующая инстанция лишила регистрации одноименное движение, а налоговая инспекция напрочь перекрыла кислород газете «Великодержавный интернационализм». Пуримович-Лимонадов до сих пор истошно воет по данному поводу и яростно клеймит «антинародный режим». (Что примечательно, затяжную истерику «революционного вождя» исправно тиражируют ультралиберальные СМИ.) Проклятый Клод Ланцман со товарищи по-прежнему остается недостижим, и в ближайшее время с той стороны следует ожидать новых, глобального рода пакостей. Вот, собственно, все...

– Давай еще по порции, – отдуваясь, предложил Сибирцев.

Я с сомнением погладил вздувшийся живот:

– А не обожремся? Туалет-то на пляже плохой, загаженный до безобразия...

Ответить Костя не успел.

К официанту подошел холеный мужчина в цветастых шортах, смачно рыгнул и с важностью спросил:

– Пластиковые карточки к оплате принимаете?

– Нет, – смущенно развел руками тот. – Только наличные.

– Почему?!

– Специального аппарата нет.

– Дикари! – громогласно возмутился «холеный». – Неандертальцы! И когда вы научитесь жить по стандартам цивилизованного общества?! Не страна, а...

Тут он столкнулся с моим взглядом, напоенным холодной яростью, осекся, стушевался и бочком покинул веранду.

– Н-да уж, – тяжело вздохнул Сибирцев. – «Ползучее наступление» продолжается, и во многом благодаря таким вот «цивилизованным» недоумкам. Не терпится им получить клеймо на лоб или на правую руку. Не терпится стать рабами Зверя! Ур-роды!!!

Я угрюмо промолчал. Праздничное, отпускное настроение было безнадежно испорчено...

Царство страха

Все имена, фамилии, прозвища действующих лиц, равно как и названия улиц, городов, фирм, увеселительных заведений, общественных организаций и т. д. вымышлены. Любые совпадения случайны.

Пролог

Г. Сарафанов в средней полосе России.

26 августа 2005 г. Около полудня.

На дворе медленно умирало лето. Солнце светило ярко, но грело слабовато. Листва с деревьев еще не осыпалась, но уже вовсю готовилась стать добычей дворников – желтела, жухла, сморщивалась... Окрестные пляжи опустели. В глазах резвящейся во дворах детворы нет-нет да мелькало мрачное предчувствие нового учебного года. А в солидном здании в центре города, под потолком казенного кабинета бесновалась противная толстая муха. Она носилась туда-сюда, надрывно жужжала, с силой билась в оконное стекло и под конец нагадила прямо на кокарду большой форменной фуражки с высокой тульей, которая висела на стене. Однако хозяин фуражки (он же хозяин кабинета) не обратил ни малейшего внимания на столь вопиющую наглость. Полковник Пузырев сидел в кресле за столом и, подперев руками массивную голову, завороченно, словно кролик на удава, смотрел на лежащую перед ним бумагу...

...Труп девочки на вид семи-девяти лет обнаружен в лесопосадках в пятидесяти метрах от Н-ского шоссе. Труп полностью обнажен. Какая-либо одежда на месте преступления отсутствует. На шее потерпевшей туго затянута веревочная петля. По предварительным данным, девочка была изнасилована в извращенной форме, но уже после наступления смерти. В рот убитой засунута пробкой вверх водочная чекушка с несколькими граммами водки на дне. Посмертные изменения: падение температуры тела, трупные пятна указывают на то, что смерть наступила за 12–14 часов до начала осмотра, то есть в районе 19–21 часа 25 августа 2005 года...

Читая и перечитывая сухие строки протокола осмотра места происшествия, начальник сарафановского ОВД постепенно наливался темной дурной кровью. Сегодняшняя жертва была одиннадцатой с начала июня и практически ничем не отличалась от предыдущих. Тот же пол и возраст, то же посмертное изнасилование в извращенной форме и, наконец, та же проклятая чекушка во рту! В городе явно орудовал маньяк-убийца, причем не особо хитроумный. Свои злодеяния он совершал приблизительно в одно и то же время, в достаточно небольшом по радиусу районе. Трупы даже прятать не пытался, обязательно оставлял «фирменный знак»... И тем не менее поймать выродка никак не получалось. Ни единой ниточки ухватить не могли!

И это при том, что... О-о е-мое! – полковник в отчаянии вцепился пальцами в край стола. Правда, там, скорее, компетенция местного ФСБ, но отдуваться наверняка придется вместе. Так уж у нас заведено.

«Да за такое... блин!.. Да за такое, в совокупности... Можно не только погон и должностей... Головенки элементарно оторвут. В прямом смысле!» – затравленно подумал Пузырев, включил громкую связь с конференц-залом, где собрались подчиненные в ожидании его указаний, хотел сказать что-то мудрое и ценное, но вдруг, неожиданно для себя самого взорвался страшным звериным воем:

Дар-р-рмоеды!!! У-р-р-роды!!! В-се-ех, на хрен!!! Все-е-ех сгною-ю-ю!!!..

* * *

Вечер того же дня.

Западная окраина г. Сарафанова.

Сегодня глава фирмы «Тантал» Игорь Владиславович Мидасов закончил работу значительно позже обычного. Но не потому, что навалилось много дел. Просто все почему-то не клеилось, ни у него, ни у сотрудников. На решение обыденных, заурядных вопросов тратилась уйма времени. Жена, Виолетта, звонила уже четыре раза и настойчиво интересовалась причинами задержки супруга, хотя обычно ей было наплевать.

– Ты забросил меня, разлюбил! – при последнем разговоре театрально простонала она и, не дожидаясь ответа, швырнула трубку.

«Алкоголичка хренова! – зло подумал Мидасов. – Совсем башню от водки снесло! То ей плевать на мужа с высокой колокольни: одни подружки да пьянки на уме. А то, видите ли, ревность ударились. Сука полоумная!» Игорь Владиславович скрипнул зубами в бессильной ярости. (Жену он любил и, невзирая ни на что, разводиться не собирался.) Усилием воли Мидасов взял себя в руки и по селекторной связи приказал начальнику службы безопасности Северину готовиться к поездке домой... Машины отъехали от офиса в половине десятого вечера. Впереди – «шестисотый» Мидасова с начальником СБ за рулем. Следом джип с четырьмя вооруженными до зубов телохранителями. Все пятеро до недавнего времени служили в СОБРе, побывали в горячих точках, цену себе знали и обходились недешево. Вместе с тем Игорь Владиславович не считал разумным экономить на охране. Последние месяцы передвигаться по городу стало не безопасно!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.